

Виктор Ночкин
Дыхание осени
Серия «Король-демон Ингви», книга 15

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7771171

Аннотация

Когда война идет повсюду, и каждый уверен, что сражается за правое дело, Судьбе трудно решить, кому выйти победителем в схватке. Но, кроме стали, в этой войне примет участие и любовь. Злобная принцесса Глоада, по уши влюбившаяся в бесчеловечного некроманта... хромой меняла, безнадежно вздыхавший по благородной баронессе и вдруг оказавшийся наследником графского титула... разбойник и убийца Мясник, который души не чает в своей женушке и новорожденном сынишке... и, конечно, демон с вампирессой – самая необычная пара в этом необычном Мире – разве может Судьба не взглянуть на них благосклонно?

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 10	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	45
Глава 12	48
Часть 2	52
Глава 13	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктор Ночкин

Дыхание осени

Часть 1

Новые дороги

Глава 1

Западное побережье

Шлюпка, управляемая молчаливыми гребцами, покинула акваторию велинкского порта, под плеск прибоя тихо прошла у подножия укреплений и обогнула невысокий утес. Гавань скрылась из виду, а шлюпка двинулась вдоль берега. Судно контрабандистов стояло на ночевке в бухточке неподалеку, так что встреча должна была состояться за городом.

Ингви, расположился на корме и обеими руками придерживал кадку с Древом. Ннаонна зевала, а Никлис вроде бы даже задремал. Вдруг он встрепенулся и заявил:

– Заметили нас, вон человек на горушке.

Ингви с Ннаонной поглядели, куда указывает бывший разбойник, там в самом деле можно было различить фигурку – контрабандист помахал рукой и скрылся. Гребцы, бородатые загорелые мужчины, убрали весла и замерли – оба отличались неразговорчивостью. Они ничего не объясняли – впрочем, и так понятно. У моряков все было сговорено заранее, и контрабандисты выставили на скале наблюдателя. Сейчас он спустится к судну, сообщит о прибытии пассажиров, и контрабандисты снимутся с якоря. Оставалось дожидаться. Лодка покачивалась на тихой волне, гребцы помалкивали... Не прошло и четверти часа, как из-за скалы показался нос парусника.

Корабль контрабандистов отличался от неуклюжей «Одады» как скакун благородных кровей отличается от крестьянской рабочей лошадки. Мачта была выше, парус больше, а обводы корпуса гораздо изящней. Палубные надстройки имелись не только на корме, но и на баке, и, хотя трюм корабля по вместимости вряд ли уступал трюму «Одады», двигалось судно куда быстрее. Борты были выкрашены в зеленовато-серый цвет, да и парус оказался такого же оттенка. Должно быть, если глядеть издали корабль будет сливаться с поверхностью моря, такой заметить сложнее.

– Как называется ваш корабль? – спросил Ингви, разглядывая парусник.

Гребец покосился на приятеля, тот поскреб бороду – будто раздумывал, отвечать ли, потом объявил:

– «Туман».

– «Туман», – зачем-то подтвердил первый моряк. Потом добавил, – корабль известный.

– Ничего, скоро он прославится еще больше, – посулила Ннаонна. – После того, как нас покатаете.

Бородачи переглянулись и промолчали. «Туман» приблизился к лежащей в дрейфе шлюпке, выполнил поворот, моряки уменьшили парус, и гребцы снова взяли за весла. На баке стояли шкипер и чернобородый парень – тот, что был в «Золотом якорю» и неуважительно отозвался о вампирессе. Когда лодка подгребла к борту, показались еще несколько человек. Чтобы управляться с рулем и парусом, хватило бы, наверное, пяти моряков, но экипаж был куда многочисленней, Ингви сразу насчитал восьмерых, да с ними в шлюпке пара

гребцов... Разумеется, в дальнем опасном походе нужно больше матросов, мало ли в какие передраги угодит «Туман».

Когда пассажиры поднялись на палубу, оказалось, что они видели не всех – экипаж состоял из одиннадцати человек. Последний, совсем юный парнишка, как выяснилось после – родственник шкипера, его взяли в плавание, чтобы обучался семейной профессии.

К Ингви подошел шкипер и объявил:

– Ну, с прибытием. И, стало быть, меня зовут Верех, помощник мой – Койон, вы его видали.

Верех выжидающе поглядел на гостей – те должны были представиться.

– Ингви. И я хотел купить шелк.

– Шустрый... – протянул Койон. – Шелк имеем, как договорено было, только монеты сперва достань. За шелк, ну и задаток тоже пожалуй, мастер. Деньги сперва поглядим.

Демон показал горсть монет, шкиперу зрелище понравилось, после этого юнгу послали за шелком. Пока он бегал за товаром, Ингви отсчитал задаток, потом появился парнишка, протянул родичу сверток. Верех распутал бечевку, приподнял полотно, в которое был упакован драгоценный груз, и продемонстрировал пассажирам эльфийский шелк – ткань играла на солнце и блестела словно огонь. Ингви кивнул и, получив шелк, тут же завернул в него Черную Молнию – вместе с ножнами.

Моряки только покачали головами, а Койон цокнул языком, глядя, как неуважительно гость обращается с драгоценным товаром.

– Жить станете на баке, – Верех кивнул в сторону носовой надстройки. – Постарайтесь под ногами не путаться и не мешать... Ну что ж, в добрый путь!

* * *

Путники удалились в каюту, а на палубе началась обычная работа. Шкипер раздавал команды, матросы без спешки поставили парус... Ингви, шагая к баковой надстройке, ловил на себе заинтересованные взгляды, но если косился в ответ – моряки тут же отворачивались. Потом он сообразил, что больше глядят не на него, а на вампирессу. Девушка не обращала на команду никакого внимания, ей хотелось спать, поэтому, едва вошли в каюту, сразу плюхнулась на постель – тюфяк, привязанный к массивному сундуку. Зевнула и объявила:

– Ну вот, теперь наконец-то отоспимся.

Ингви швырнул в угол меч, завернутый в дорожный шелк, и обернулся к Никлису:

– Что скажешь о команде?

– Команда как команда. В старые, слышь-ка, времена Пиритой-вор таких сразу за своих бы признал. И приличную долю назначил бы.

– Пиритой? – Ингви вспомнил старые рассказы Никлиса. – Этот ваш воровской старшина? С Северной стороны?

– Так и есть, твое демонское. Эх, канули веселые денечки, да в самый омут.

– Как? А разве с нами не веселей стало? – встрепенулась Ннаонна.

– погоди, На. То есть, ты сказал, что эти моряки – подходящие парни для воровской работы? И с чего ты так сложно выражаешься, а?

– С кем поведешься, слышь-ка, с тем и попадешься... эх... – Никлис припомнил сказку из прежней жизни. – А эти, на «Тумане», тертые парни, точно.

– Ну, они же контрабандисты, – снова подала голос Ннаонна. – Рисковые люди. Им полагается быть тертыми.

– М-да, – Ингви потер подбородок. – Рисковые... Надеюсь, в «Золотом якорю» я произвел нужное впечатление.

– Не-а, зря вмешался. Если бы не ты с твоими вечными фокусам, я бы их...

– Нам нужно было попасть на этот корабль пассажирами, а не врагами. Потерпи, На, не буянь на борту. Вот сойдем на берег, там расслабишься.

– А где мы сойдем на берег? Через Энмар и перевалы – самый короткий путь домой.

– Нет, сойдем на берег там же, откуда ушли с Рогли. Я не хочу в Энмар. Там Самоцветы могут положить глаз на наше Древо.

– Ску-учно... Долго придется ждать. Но гляди, я буду хорошей, за это ты позволишь мне поразвлечься дома... хотя какие там развлечения! Тоска одна.

– Ну, так я это? – напомнил о себе Никлис. – Пойду, погляжу, что да как? Может, с моряками потолкую, выведаю, что у них на уме?

– А, давай, давай.

Никлис удалился.

– Ингви! – Ннаонна заговорила строгим тоном. – Ты почему такой? Легкомысленный такой? Никлис рассудительный какой, а тебе – хоть бы что! Ну чего ты улыбаешься? А? Чего?

Король потянулся и с широкой улыбкой сказал:

– Эх, На, как мне сейчас хорошо! После того, как завернул Черную Молнию в эльфийский саван, и она перестала пить ману из Древа – так славно мне! Эх, не смогу я тебе объяснить, каково это, быть между неиссякаемым источником и ненасытным поглотителем маны!

– М-да... – девушка задумалась, – действительно. Жаль, что я этого не чувствую.

– Наоборот, радуйся, что не чувствуешь. Довольно неприятные ощущения. Ну, зато теперь все в порядке, и мана из Древа истекает свободно.

Оба поглядели на кадку с растением.

– Интересно, каким оно станет, когда вырастет? – протянула вампиресса.

– А я бы хотел дождаться цветов и плодов. Предчувствую много сюрпризов!

* * *

Потом Ннаонна вспомнила, что собиралась спать. Стала вертеться на тюфяке – ей что-то мешало. Оказалось, что это ремни, прочно закрепленные на сундуке. Девушка вытянула их из-под матраса и стала разглядывать, гадая, к чему это устроено. Ингви рассказал ей сказку о принцессе на горошине.

Скрипнула дверь – возвратился Никлис.

– Это, твоя вампирская милость, так полагается спать, ремнем пристегнувшись. Не то от качки на пол грохнешься.

– Вот еще, стану я грохаться!

– Ежели, слышь-ка, на море волнение сильное, так суденышко раскачает – и грохнешься.

– Сам грохайся. – Ннаонна была нынче на редкость миролюбиво настроена, потому и огрызнулась без обычного задора.

– Могу и я, – согласился Никлис, – чего бы, слышь-ка, не грохнутся, ежели завалился дрыхнуть, а ночью шторм разыгрался. Этот «Туман» – не каботажное корыто, которое вдоль берега шастает, а едва чуть ветерок – и в гавань спешит укрыться. Этот корабль в открытое море ходит, там всякие ветра случаются. Мы вот и теперь от берега удаляемся.

– Ну а что о нас говорят?

– При мне ничего не говорят, твое демонское. Только зыркают этак вот.

Никлис показал, как именно зыркают моряки, Ннаонна прыснула со смеху.

– Нечего смеяться, – строго заметил Ингви, – они на тебя еще смешней смотрели. Постарайся пореже на палубе торчать и...

– ...И не вертеть тем местом, где у простых девушек, не у принцесс, находится попа, – смиренно закончила вампиресса.

– Точно. Долгая дорога, моряки в тоске, сама понимаешь.

– А тут дева, а у нее такое место, слышь-ка...

– Сам ты это место!

– А я что, я ничего, я согласный. – Сегодня все были настроены на редкость мирно, и перепалки так и не вышло. – В общем, слышь-ка, твое демонское, я стану приглядывать, как я есть начальник королевской стражи и несу службу исправно. Сперва при мне эти бородатые ничего не скажут, оно понятно. После же – где словечко, где другое, я и скумекаю, что у них на уме. Пока же «Туман» мчится от берега прочь. Мыслию так, что весь Легонт обогнут морем, и к западу от Мокрых Камней уйдут на юг.

– Ну, если у них запас воды имеется...

– Про то не могу знать. И еще, слышь-ка... груженные мы идем. Осадка низкая, и на волне остойчивы мы изрядно.

– Так оно понятно, что на продажу что-то загружено. Не монеты же везти на Архипелаг! Думаю, Верех туда за южными товарами нацелился. Если сможешь, разузнай, что за товар пользуется спросом на юге.

– Я так мыслю, товар твоему демонскому хорошо ведом. Я видел, ящик раздолбанный валялся. Должно быть, на дрова пойдут деревянные. А ящик – тот самый, в котором из Энмара наши железки пришли.

– М-да, – заметил Ингви, – долгий же путь проделали орочьи изделия... Кстати, по-демонски это называется интеграция.

Никлис поспешно сотворил святой круг – опасался беды от страшного слова.

Глава 2

Ванетиния

Человек расхаживал по тесной комнатухе взад и вперед. Семь шагов по диагонали, поворот, семь шагов... Он спорил и размахивал руками, брызги слюны летели из перекошенного рта, запутывались в буйной нечесаной бороде, но человек не замечал. Вряд ли он понимал, что заперт в клетки без окон, и что вместо двери – массивная стальная решетка, для верности укрепленная магией. Внизу решетка была снабжена оконцем, которое также запиралось снаружи. Оконце небольшое – только чтобы пролезла миска. За узником приглядывали и кормили. Он ел, когда приносили пищу, но вряд ли понимал это. Он пил из кувшина, когда чувствовал жажду, он справлял нужду, когда подпирало, так что в комнатенке стояла вонь, но узник не обращал внимания на запахи. Он был всецело поглощен спором.

В камере человек всегда оставался один, однако спору это обстоятельство не мешало, скорей наоборот – потому что обращался он к тысячам и тысячам оппонентов. Вряд ли такое количество народу поместилось бы в камере...

Призраки прошлого теснились вокруг, звали к ответу, требовали покаяния. И человек каялся, объяснял, подробно растолковывал план битвы, твердил, что не мог иначе, что послать на смерть тысячи неумелых и плохо вооруженных ополченцев – единственная возможность одержать победу... Он же победил! Победил! Он не мог иначе, не умел, не знал иного пути...

Мертвецы не желали вникать в тонкости стратегии и нюансы политической ситуации. Они твердили, что узник послал их на смерть, на смерть, на смерть. У них были дети, жены, старики родители, у них были надежды и планы на будущее. Тысячи непрожитых жизней! Тысячи тысяч не рожденных детей, внуков, правнуков – и далее, далее... Тысячи тысяч не случившихся судеб, не сложившихся счастливых...

Но как же так, в тысячный раз твердил суровым судьям человек, ведь не было иного пути, ведь иначе не вышло бы... Он кричал, что сам бы с радостью умер вместе с ними, но он должен был дожить до последней атаки, он не щадил себя, он бросил вызов рыцарю, который считался первым мечом империи, и считался по праву! Узник не пожалел бы и себя ради победы, он был готов... «Мы не были готовы!» – выли призраки.

Они не желали слушать, и это заставляло подсудимого горячиться еще сильнее. Человек бы вышел из себя, раздосадованный невниманием к его словам, да вот беда – он уже не мог выйти из себя, он давно пребывал в этом состоянии...

А потом... Будто белым светом залило тесную комнатенку. Это не был свет, какой позволяет ощутить зрение, свет не имел ни формы, ни яркости, ни цвета, однако от того не становился менее ослепительным. Призраки исчезли, отпрянули, растворились в белом. Многоголосый хор притих, перешел в бормотание, в невнятный шепот... Узник замер, не закончив фразы. Поднял руку, нащупывая источник света, но рука ушла в белую пустоту... Человек умолк и остановился. Случилось это в тот самый миг, когда Когер, пронзенный кинжалом Полгнома, испустил последний вздох. Когда сердце несчастного проповедника остановилось, узник вспомнил себя. Он вспомнил собственное имя, возраст и титулы... Он огляделся и впервые за многие месяцы увидел стены и решетки, между которых метался все это время. Он видел, но не понимал, почему он здесь и к чему все это. Он ощутил вонь, почувствовал, что ветхие лохмотья противно липнут к телу, он услышал гулкую тишину – вместо многоголосого воя беспощадных призраков. Тишина стиснула череп, ударила, словно гномий молот, пронзила уши – острая, словно эльфийская стрела, и тяжелая, как поступь тролля.

Стены и решетки закружились перед меркнувшим взором Ок-Ижерна, узник медленно-медленно опустился на колени, уронил руки... потом завалился на бок и растянулся на грязном полу тесной камеры в подвале Валлахала, древнего дворца императоров...

* * *

А наверху, в светлых палатах императрица Санелана собрала совет. Увы, группа придворных, приглашенных ею, была жалкой пародией на советы императора Элевзиля. Большая часть старых сановников, составлявших ближайшее окружение покойного, ныне покинули этот Мир либо отошли от дел. Алекиану удалось в прошлом году составить совет из людей, хоть сколько-нибудь пригодных к управлению империей. Пусть они уступали опытом прежнему поколению царедворцев, но все же имели представление о делах, которые вершит совет его величества. Ныне же сам Алекиан находился в западном походе, молодые сановники вроде сэра Войса, отправились с императором, даже Коклос – и тот отсутствовал; архиепископ Мунт пропал на севере, где шла война за Феллиост, а новый капитан Роккорт ок-Линвер находился на восточной границе.

Именно вести, дошедшие с востока, и послужили причиной нынешнего совета. Гонца с официальным докладом маршал не прислал, однако сотни латников, разбежавшихся с поля несчастной битвы, уже разнесли весть о поражении имперского войска. Эти люди всячески преувеличивали силы некромантов и раздували масштабы разгрома – многие твердили, будто они и есть единственные уцелевшие... На самом деле большая часть воинов ок-Линвера уцелела, но беглецам нужно было оправдать собственную трусость, и они ввали напропалую. Слухи расходились, будто круги в стоячей воде, вот они достигли столицы, Санелане доложили, и она решила созвать совет, поскольку не знала, как ей поступить в этой ситуации. Хотя гонцов никто не прислал, слухи были слишком сильны, чтоб не придать им значения вовсе.

Санелана медленно и негромко описывала причины, по которым созваны вельможи, и поочередно разглядела постные лица – все зря. За длинным столом расположились титулованные бездарности. Люди, не пригодные ни к какой службе, но слишком знатные, чтобы пренебречь ими. Когда глаза ее величества останавливались на очередном участнике совета, тот немедленно менял позу и всем видом старался изобразить заинтересованность и живейшее внимание, но глаза оставались пустыми.

Взгляд Санеланы скользил по пустым бездумным лицам... Кенперт Вортинский – вот единственный здравомыслящий и осведомленный среди толпы болванов. На Кенперта в конце концов и уставилась императрица.

– Итак, господа, кто желает дать совет? Я – женщина, я ничего не смыслю в делах войны и магии. Кто из вас сумеет объяснить мне, как быть? Сэр Кенперт?

– Прошу прощения, ваше императорское величество, – рыцарь привстал и поклонился, – полагаю, прежде чем мы получим достоверные известия, не следует предпринимать серьезных шагов.

– Но пока эти самые известия будут собраны, враг окажется у ворот Ванетинии! – пропыхтел пожилой сановник.

– Насколько мне известно, – Кенперт обернулся к старику, – сейчас никто не приближается к столице.

Пожилый вельможа собирался возразить и тяжело заворочался на стуле, но Кенперт поспешно добавил:

– Иначе мы бы слышали слухи не о поражении, а о нашествии. Слухи всегда преувеличивают масштабы бедствия. Но если на рынке не судачат о нашествии черных солдат...

– Благодарю, сэра, – Санелана улыбнулась, – вы произнесли именно те слова, которые нам желательно было услышать.

Императрица поспешила одобрить рыцаря, чтобы ревнивые старики не мешали ему говорить. Они не стали бы спорить, просто так уж воспринимали обязанности придворного – ставить палки в колеса любому, кто может возвыситься над тобой.

– Итак, – продолжала Санелана, – что вы советуете предпринять?

– С позволения вашего величества, я отправлю отряд гвардии... скажем, десятка два человек, на восток. Пусть разыщут ок-Линвера и получат точные сведения. Либо пусть схватят кого-то из беглецов, что мутят воду на востоке, и привезут сюда. Пусть этот человек повторит в глаза вашему величеству то, что болтал на площади. Сам я обращусь в городской совет...

– У вас будут все необходимые полномочия, – Санелана снова улыбнулась.

– Я с городскими синдиками обойду городские стены, мы оговорим меры, какие потребуются, если столица в самом деле может подвергнуться нападению. Цехи проведут частичную мобилизацию, так что у нас будет постоянно не меньше пяти сотен вооруженных под рукой... Полагаю, для начала этого достаточно.

Придворные зашептались. Те, что сидели ближе к Санелане, помалкивали, прочие тихонько обсуждали новую восходящую звезду двора. Кенперт хорош собой, неглуп и отменно учтив, он сделается любимчиком ее величества, и лишь Матери Гунгилле ведомо, как далеко будет простираться милость Санеланы. Когда муж воюет в дальнем краю, такой прекрасный юный советник очень уместен... гм-гм... От толстяка, возражавшего Кенперту, все отвернулись – этому быть в опале. Сам вельможа нахмурил седые брови – должно быть, уже планировал отъезд из Ванетинии в родовое поместье...

Распахнулись двери, вошел слуга – один из доверенных людей ее величества. Гвардейцы, стоявшие у входа, заученным движением скрестили древки алебард перед парнем. Слуга бросил выразительный взгляд на госпожу и произнес:

– Прошу простить, ваше императорское величество, я бы не рискнул нарушать ход совета, но...

Санелана привстала и махнула ладошкой, гвардейцы, гремя доспехами, отступили. Слуга обежал вокруг стола и склонился перед императрицей.

– Говори, дружок.

– Ваше императорское величество, вы велели немедленно сообщить, если...

Щеки Санеланы медленно побледнели. В число обязанностей этого парня входило и такое: сообщить, если состояние недужного ок-Икерна изменится.

– Он пришел в себя. Спрашивает, где он, почему в таком жалком виде и...

– Господа, совет окончен! – Санелана порывисто встала, широкие юбки взлетели и опали. – Сэр Кенперт, действуйте. Пусть святые отцы в канцелярии снабдят вас необходимыми грамотами. А вы, мои добрые господа, оказывайте сэру Вортинскому любую помощь, какая потребуется.

* * *

Санелана поспешила за слугой, тот и прежде был взволнован, да и трусил, должно быть, изрядно – еще бы, явиться на совет! Приказ-то был в самом дан строгий: доложить немедленно, когда бы ни случилось долгожданное событие... но если попадешь под горячую руку – виноват окажешься. Но императрица спешила, семенила, придерживая платье пухлыми пальчиками, белизна щек сменилась от быстрой ходьбы лихорадочным румянцем – и слуга тоже разволновался и тоже стал суетиться. Он шагал впереди, оглядывался, успевает ли Санелана, сдерживал шаг, потом снова спешил... Гвардейцы, замыкающие шествие,

держались позади и сохраняли спокойствие – они пока не знали, что произошло и отчего такая суета...

Встречные, завидев процессию, уступали дорогу, поспешно кланялись, а затем долго глядели вслед. Никогда не приходилось видеть, чтобы ее величество так спешить изволили. Потом лакеи будут гадать, строить предположения, одно другого причудливей – до тех пор, пока не станет известна правда.

Следуя за слугой, Санелана спустилась в подвал, где анфилады с гладкими стенами, сложенными из необычайно искусно отесанного камня, чередовались с переходами, выложенными кирпичом либо грубым серым песчаником. Прежде эти помещения были подземельем эльфийских зданий, за века их соединили новыми коридорами в единый комплекс – подземный Валлахал не уступал размерами надземной части дворца. Они направлялись не в знаменитое подземное узилище, где с баснословных времен Фаларика Великого сгинули сотни узников, нет – это была другая часть дворца. У каждого поворота горели лампы, здесь было довольно светло.

Заикаясь от волнения, слуга стал рассказывать:

– Мы иногда проводывали его, ваше императорское величество. Кормили регулярно, а убирать удавалось лишь изредка, заходить к нему, прошу прощения, слишком опасно... было.

– Да-да.

– Нынче я принес ужин, и увидел, что он не мечется по комнате, как бывало, а лежит на кровати. Лежит и молчит.

– Да-да.

– Услышав мои шаги, сел и поглядел на меня. И взгляд такой был, ваше императорское величество... взгляд не безумный.

– Он заговорил?

– Да, ваше императорское величество, сразу же! Я и слова сказать не успел... ну, там осведомиться о здоровье... ничего не успел. Он первым делом: «Кто правит? Кто нынче император?» Я, конечно...

– Слава Гилфингу, – Санелана всхлипнула и мазнула по глазам ладошкой. – Он возвратился.

– Да, ваше императорское... вот за этим поворотом.

За поворотом открылась новая анфилада эльфийской постройки, или, ежели предания не врут, эти помещения строили гномы по заказу эльфийских владык. Двери были заперты, вместо некоторых темнели пустые проемы... один была забран решеткой. Бывшего маршала держали здесь, в пустующей части подвалов, Алекиану не хотелось, чтобы несчастный был на виду, чтобы о его недуге знали многие.

Сейчас из темноты к решетке подступил ок-Икерн. Выглядел рыцарь ужасно – лохматый, грязный, нестерпимо смердящий. Санелана, хоть и была счастлива, не могла удержаться – поднесла к носу платок. Зловоние, исходящее из-за решетки, оказалось сильнее радости.

– Ваше императорское величество, – проговорил ок-Икерн, – моя душа слишком долго блуждала вдали от тела, я не помню многого, я не помню, как и почему оказался в этом месте. Но я слышал, Империя в опасности? И его величество в походе?

– Ах, – кивнула Санелана и снова всхлипнула.

– Ваше императорское величество, – голос маршала окреп, – я готов подставить плечо, дабы облегчить ношу, взваленную на вас... бедная девочка...

Санелана больше не могла сдерживаться, шмыгнула носом, и слезы градом покатались по круглым щекам. Гилфинг свидетель – ей было так тяжело, так тяжело, и никто не понимал ее, ни единая душа в Мире. Ок-Икерн понимает!

– Я готов служить, ваше императорское величество, – смущенно буркнул сэръ Брудо.

– Благодарю, благодарю вас, сэр... – пискнула в платок императрица. – Но сперва вымойтесь.

Глава 3 Восток Ванета

После сражения войско некроманта рассыпалось по полю – обирать убитых. Разумеется, мародерствовали лишь наемники. Мертвых солдат добыча не интересовала, да и магики – подручные Кевгара были озабочены своими подопечными. Они остановили големов, потом – убедившись, что закованные в сталь великаны обездвижены наверняка – занялись тем, что пострадал от магии Изумрудов. Следовало установить, насколько велик ущерб, причиненный великану, и по возможности устранить повреждения. Другие магики обследовали зомби – у этих колдунов оказалось меньше забот, потому что в битве мертвым солдатам не пришлось участвовать.

Кое-кто из чародеев с завистью поглядывал, как наемники обходят груды мертвецов и весело перекликаются – хвастают добычей. Обоз армии ок-Линвера тоже достался им... да, нечасто на долю солдат удачи выпадает такое счастье – громадный куш, а работы всего ничего! Наемники были счастливы. Напомни им кто, как они были готовы наброситься на щедрого работодателя в «Очень старом солдате» – наверное, даже в этих заскорузлых душонках пробудился бы стыд. Ай-яй-яй, так встретить столь выгодного клиента! Ну и слава королю Гезнуру, разумеется, ведь лишь с его помощью сладилось выгодное дельце!

Рисп с кавалерией объехал побоище, проскакал по дороге – никого. После, возвратясь из вылазки, отыскал брата маршала – тот любезничал со своей принцессой болот – и, скаля зубы, весело объявил:

– Ну, господин мой, и нагнали вы на них страху! Вот это победа! Все, кто уцелел, улепетывают без оглядки. Я не встретил ни души, даже местное отребье попряталось, разбежалось по лесам. Ну, что теперь? Пройдемся по их городам и замкам, соберем урожай? Ручаюсь, никто теперь не посмеет встать у вас на пути! Мир обзавелся новым страхом!

Маршал самодовольно усмехнулся. Глоада, сидевшая перед ним в седле, потянулась.

– Великая победа! – повторил Рисп. Верный избранной тактике, он отчаянно льстил некроманту, надеясь попасть в милость. Рыцарь уже сообразил, что, если повести дело правильно, вся добыча достанется ему. За исключением того, что растащат наемники – это само собой. Дрянные солдаты, настоящее ворье, которое привел маршал из Ренприста, за этими не угонишься. Всю мелочь подберут. Но крупные куски можно будет оставить себе. Титул графа Аднорского уже тешил самолюбие ловкача Риспа, а аппетит, как известно, приходит с едой! Риспу хотелось больше и больше! Его алчность росла пропорционально добыче. Если сейчас раззадорить лестью черного мага, тот разорит половину Ванета, а добыча его не слишком влечет. Вот так-то... Рисп уже прикидывал, как бы половчей отказаться от вассальной зависимости по отношению к Гевской короне. Никогда Гезнур не позволит простому исполнителю обогатиться, не говоря уж о старом короле – тот настоящий сквалыга, об алчности Гюголана можно баллады складывать!

– Страх – это хорошо, – сдержанно заметил Кевгар.

– Но война быстро надоедает, – протянула принцесса. – Хочется чего-то новенького... Помню, мы славно повеселились в Адноре. Хорошо бы повторить этот славный опыт. Да, милый?

– Все, что тебе угодно, – мрачное лицо Кевгара перекопилось, он почти улыбался своей ненаглядной злюке.

– Тогда – в Аднор! Я изобрету еще несколько славных шуток для этих славных толстомясых бюргеров, хо-хо!

Глоада хрипло усмехнулась, представляя, как она станет издеваться над добрыми горожанами. Потом девушка выгнулась, оборачиваясь к Риспу:

– Ну, граф Аднорский, чего ждешь? Шли гонца в свои владения! Пусть готовятся к встрече. Нет, лучше поезжай сам, нагони страху на милых аднорцев! Пусть прячут сундуки, мы их все равно отыщем! Пусть бранятся, но наше возвращение они встретят торжественным молебном во здравие Глоады и Кевгара! Пусть злятся и измышляют способы отомстить, а все равно станут ползать перед нами на брюхе! Эх, повеселимся!

* * *

Рисп коротко поклонился и отправился созывать людей. Его кавалеристам удалось отстоять часть обоза и не допустить к повозкам наемников. Граф Аднорский велел собираться в путь. Серые всадники были недовольны – им не удалось пограбить мертвецов на поле, а там лежало немало отличных доспехов! Но Рисп был не в том настроении, чтобы с ним спорить, рыцарь погрузился в раздумья. Хотелось усидеть на двух стульях: и не испортить отношений с королем Гевы, и удержать за собой Аднор. Ему, младшему отпрыску многодетной нищей семейки не светило доли в наследстве, потому и отправился на королевскую службу... Сейчас добыча выпала славная, но как знать – долго ли будет улыбаться удача старине Риспу?

Спорить с угрюмым рыцарем войны не решились и быстро распределили обязанности, кто поедет на облучке, кто останется в седле. Предстояло перегнать обоз в Аднор. Там остался небольшой гарнизон, два десятка наемников, чтобы присматривать за горожанами и двое парней из отряда Риспа – чтобы присматривать за наемниками. Ну и заодно – друг за другом. Потому и двое, а не один.

Перед отъездом Рисп еще раз наведлся к некроманту, тот был занят, разглядывал пленных, выбирал таких, кто повыше ростом и помассивней. Отвлекаться Кевгар не стал, пришлось Риспу говорить со злоязыкой госпожой Глоадой – ее отыскать было немного сложнее. Болотница задумчиво бродила следом за Дрендаргом среди груд раздетых мертвецов, ящер пировал на кровавом поле.

– Ну, чего уставился? И почему ты еще здесь? – встретила рыцаря принцесса.

– Не извольте беспокоиться, моя прекрасная госпожа, – Рисп напустил на себя уверенный вид, – мы уже в пути. Хотел лишь осведомиться, не нужны ли вам кавалеристы? С моим отбытием в распоряжении маршала останется лишь пехота, а для дозорной службы и...

– У нас есть все, что нужно, проваливай. Э, а вот и кавалерия! Ручаюсь, я сделаю из этих уродов сносных конников. Или они сдохнут.

Болотница указала пальцем: наемники изловили с полдюжины жеребцов, лишившихся хозяев, и с шутками демонстрировали друг другу искусство верховой езды. Несколько парней в самом деле умели держаться в седле. Солдаты веселились, поскольку не ведали, что им предстоит освоить конное дело по-настоящему или сдохнуть. Зато лошади, похоже, об этом уже догадывались – во всяком случае, кони нервничали, вставали на дыбы и сбрасывали неловких седоков. Всякое падение сопровождалось новым взрывом хохота.

– В общем, проваливай, – заключила Глоада, – или ты собирался убедить меня, будто незаменим? Вот тебе, сами справимся.

Принцесса изобразила неприличный жест. Рисп состроил ухмылочку, поклонился и поскакал к своим. Доля истины в словах Глоады имелась, ему бы хотелось сделаться незаменимым или, по крайней мере, привычным – для того и льстил напропалую! Если отказываться от королевской службы, то следует крепче держаться за этих хозяев. Однако с наглой и развязной девкой никак не удавалось поладить. Вот и сейчас, выгнав рыцаря, она тут же позабыла о нем.

– Ах ты мой хороший, – расслышал Рисп сквозь стук копыт и веселый гомон наемников, – ты мой сладенький, ах как ты мне сейчас нравишься, вот такой, с окровавленной мордочкой! Славный мальчик, славный мальчик...

Рисп представил себе, как болотница целует ящера в клыкастую харю, перепачканную человеческой кровью... рыцаря передернуло. Эх, будь бы эти двое – Кевгар с Глоадой – хоть немного похожи на нормальных людей... Лучше сеньоров не пожелать! Но они не похожи на нормальных. Увы.

После отъезда Риспа армия некроманта задержалась у поля битвы еще на день. Големов погрузили в стальные повозки, убитых обобрали до нитки, добычу сложили в трофейные фургоны. При иных обстоятельствах наемники из Ренприста рассыпались бы по округе в поисках поживы, однако теперь они нахапали столько добра, что думали только об одном: как бы довести все в целости до Гевы... ну или где удастся обратить барахло в монету. Поскольку некромант был к добыче равнодушен, все досталось солдатам. Невиданное дело! И великая удача для наемного головореза. Парни уже предвкушали, как станут хвастать в большом зале «Очень старого солдата», и как им станут завидовать прочие солдаты удачи – те самые, что предостерегали от сделки с некромантом. Отличный найм вышел, Гангмар его дери!

* * *

Ок-Линвер тем временем собирал по лесам разбежавшихся солдат и охотился на мародеров. Он не считал нужным отправлять донесение в столицу, выжидал. Старик отлично понимал, что если в столице станут известны подробности, его объявят виновником, а это плохо отразится на репутации. Капитан решил держаться между неприятельской армией и столицей – ну и пытаться исправить положение, насколько это будет в его силах. Однако он ошибся, полагая, что сумеет собрать под свое знамя достаточно бойцов, чтобы его отряд снова стал реальной силой. Сэр Роккорт не учел ужаса, внушаемого некромантом и его изобретением. Обычно после поражения некоторое количество воинов можно снова собрать, однако не в этот раз – теперь страх гнал вояк все дальше и дальше, они не останавливались.

На третий день под рукой капитана оказалось около восьми десятков людей. Большую часть составляли гвардейские солдаты, к ним присоединились и крестьянские парни из разоренных гевцами деревень. Эти горели жаждой мести и желали драться. Ок-Линвер невысоко ценил боевые качества простолюдинов, однако полагал, что если меч сломан – не грех воспользоваться и дубиной.

Армия некроманта не двигалась в глубь ванетской территории. Ок-Линвера это удивило: как же это, не воспользоваться плодами победы? Но удивление не мешало капитану действовать, и он действовал решительно. Ему удалось разогнать и перебить четыре банды грабителей, причем лишь в трех оказались гевцы – те самые псы, которых Кевгар, по выражению принцессы, спустил с цепи. Один отряд мародеров состоял из местных – эти сочли, что война – удачное время для того, чтобы обделать делишки и наловить рыбки в мутной воде.

Эрегарт Изумруд сумел взять себя в руки и пару раз неплохо показал себя в бою. Ок-Линвер – при том, что не любил чародейской братии – проникся к мальчишке самыми добрыми чувствами, старика растрогала самоотверженность, с которой сопляк разыскал его, лежащего среди мертвецов на бранном поле, разыскал и помог спастись. Сам сэр Роккорт, чего греха таить, вряд ли поступил бы так же великодушно... тем больше оказалась его благодарность. Он всячески оберегал юнца и заботился о чародее. Удалось отыскать еще пару Изумрудиков – сопливых пацанов, в ужасе сбежавших от врага и заплутавших среди болот. Когда на них наткнулся отряд ок-Линвера, мальчишки разрыдались – они уже по десять раз

успели проститься с жизнью, их переполнял ужас. Этим мальчикам, привыкшим к комфорту в покоях Валлахала, особенно тяжело пришлось в походе и сражении. В более спокойные времена им бы лет по пять-шесть еще учиться ремеслу... Лишь военная нужда заставила клан выставить этаких сопляков для боя. Возможности рода Изумрудов были исчерпаны, так же как и возможности империи.

Но, как бы там ни было, теперь отряд сэра Роккорта имел в своем составе и некоторое число магов. Вместе с гвардейцами и обозленным мужичьем – вышла какая-никакая боевая единица. И ок-Линвер вел их короткими переходами, выискивая сведения о мародерах. Едва удавалось вызнать о новой банде – сэр Роккорт преследовал грабителей и вступал с ними в бой. Это было все, на что капитан оказался способен с наличными силами. Он выжидал, смотрел, как обернется дело, и боялся, что враг выступит на Ванетинию.

Несколько раз проносился слух, что некроманты приближаются, но всякий раз выяснялось, что причина паники – разбойничья банда или вовсе никакой причины нет, бывало и такое...

Дни шли, а достоверных известий о нашествии так и не случилось.

Глава 4

Море к западу от Легонта

Кормили на «Тумане» вполне сносно. Мальчишка, Верехов родич, принес ужин пассажирам в каюту. Отдавая миски, паренек долго озирался и ушел неохотно.

– Недобрый глаз у пацана, – заметил Никлис. – Так и зыркает, чего бы стащить. Ни дать, ни взять, я в молодости.

Ингви только пожал плечами – ему любопытство парнишки показалось вполне естественным. Не каждый день «Туман» перевозит столь колоритных пассажиров.

После ужина Никлис снова отправился поболтать с моряками – он считал, что после жратвы все становятся добрее. Пока судно двигалось прочь от берега, обсуждать маршрут было рано. В любом случае, общее направление в течение нескольких дней определено заранее. Подробности можно будет оговорить позднее. Тем не менее, Ингви попросил Никлиса, чтобы тот выведал маршрут предстоящего плавания хотя бы в общих чертах. Ведь пассажиры объявились совсем недавно, это случайное совпадение, а «Туман» готовился к походу загодя. Нужно полагать, Верех ждал лишь орочье железо, чтобы загрузиться и отчаливать. Стало быть, некий план у него имеется. Никлис пообещал, что расспросит об обычных путях, какими ходят контрабандисты, но предупредил:

– Я, слышь-ка, мыслю, никто мне лишнего не скажет. Эти прощелыги свои делишки предпочитают хранить в тайне. Мы-то – что? нынче на борту, а завтра Гилфинг ведает, кому станем трепаться о «Тумане». Верно же?

– Ты прав, – кивнул Ингви, – пожалуй, если матросы станут с нами чересчур откровенны, это окажется дурным знаком: если не хранят свои тайны от нас, то знают, что мы не сможем никому их разболтать. Ну, ступай.

Никлис ушел. Помолчали. Ннаонне стало скучно, и девушка попыталась разговорить Ингви. Но демон погрузился в раздумья, говорил коротко и неохотно. Тогда вампиресса отправилась на палубу. Вскоре возвратилась с известием: судно меняет курс. Видимо, Верех удалился от берега достаточно, и теперь направляется на юг.

Стало темнеть, возвратился Никлис.

– Молчат, слышь-ка, твое демонское. Как рыбы молчат.

– Ну и славно, – решил король. Значит, Верех велел им не трепаться.

– Тогда нам ничего не грозит, – разочарованно протянула Ннаонна. – А я уж понадеялась...

– Ничего, у тебя еще есть шанс. Возможно, моряки молчат совсем по другой причине... и потом, эти бородачи вообще молчаливые. Помнишь гребцов, которые нас на «Туман» доставили? Ладно, завтра попробую поболтать с Верехом. Заодно попрошу, чтобы нам больше воды давали, мне нужно за деревом ухаживать.

Утром Ингви отправился переговорить со шкипером. Верех оказался не намного разговорчивей команды. Ингви пытался так и этак выпросить, куда идет «Туман».

– На юг, – коротко отвечал Верех.

В конце концов по незначительным намекам и оговоркам собеседника, Ингви решил, что у Вереха назначена встреча с партнером у южной оконечности Мокрых Камней. Во всяком случае, шкипер согласился отпускать пассажирам больше воды. Стало быть, намерен пополнить запас, не приближаясь к материку – это было заранее оговорено. Верех опасался энмарских моряков. Никлис уже высмотрел, сколько воды запасено на судне – по его оценке, маловато. Вряд ли хватит до Архипелага. Выходит, впереди остров с пресной водой.

Наконец демон решил, что вытянул из бородача все, что можно, и отправился на бак. Распахнулась дверь каюты, и вылетел юнга, споткнулся, рухнул на колени. Потом поднялся

и поднял кулак, чтобы погрозить темному дверному проему, но заметил приближающегося Ингви и торопливо потрусил прочь – так, чтоб проскочить мимо пассажира по другую сторону мачты, не встречаясь лицом к лицу. На бегу он одной рукой потирал ушибленное колено, другой держался за зад.

В каюте обнаружилась Нноанна, Никлис по-прежнему пытался завести дружбу с моряками.

– Чем ты без меня развлекалась? – весело спросил Ингви. – Воспитывала местную молодежь?

– Угу, – буркнула девушка. – Я вышла полюбоваться океаном, а этот наглец тем временем залез в наши сумы. Хотела уши надрать ему, но сбежал, сморчок.

– Но под зад успела дать? – уточнил демон. – Вот и утешься. А впредь поклажу не будем оставлять без присмотра.

* * *

Второй день плавания оказался точной копией первого, третий – копией второго, и так далее. Малец, родич Вереха, больше не пытался влезть в каюту, да ему и шансов не выпадало, теперь пассажиры не оставляли свое барахло, в каюте всегда оставался кто-то из них. Зато теперь юнга повадился подслушивать под дверь, когда трое путешественников собирались у себя. Но подслушивать – вроде бы, небольшой грех. Нноанна пару раз пыталась поймать пацана за этим занятием, но тот был настороже и успевал сбежать. Тогда девушка, едва заслышав сопение парня за переборкой, принималась медленно и со вкусом бранить юного шпиона. Тщательно, не упуская подробностей, описывала его неказистую внешность, особое внимание уделяя бородавке над левой бровью. Когда вампирессе удавалось задеть парня за живое, сопение делалось громче – иных успехов Нноанна не достигла.

Никлис так и не смог вытянуть из бородачей ничего интересного, это раздосадовало начальника королевской стражи – прежде ему без труда удавалось завести дружбу в любой компании подобного рода. Однако контрабандисты держались холодно, в разговор не ввязывались, а если Никлис донимал вопросами – отвечали коротко и уклончиво. Верех пассажиров не беспокоил, ничего от них не требовал, кормили исправно, воды давали вдоволь, чтобы и Древу хватало.

Что ж оставалось делать? Запастись терпением и ждать... Погода благоприятствовала, ветер был хотя и не попутный, но «Туман», ловко маневрируя, ходко двигался на юг. Вокруг не было ничего – только волны и небо.

На пятый день Никлис объявил, что они уже идут западной Мокрых Камней. Он не сумел объяснить, по каким приметам определил местоположение судна.

– Сам дивлюсь, – пожимал плечами начальник стражи, – ведать не ведаю, откель, но знаю, что Мокрые Камни сейчас по левому борту.

– Ты высчитал скорость? – стала допытываться Нноанна. – Подслушал разговор моряков? Нет?

– Сам дивлюсь, – твердил Никлис и разводил руками. – Ну, вот волна стала выше, может так я догадался? Или туман поутру мне подсказал? Туман здесь, слышь-ка, не такой. Туман, вот...

Между тем парусник пошел не так резво, моряки толпились на носу, над головой пассажиров – с баковой надстройки вглядывались в море. Между собой они почти не говорили. Теперь путники вслушивались в переговоры контрабандистов, а малец юнга подслушивал, о чем болтают в каюте. В конце концов из обрывков фраз, которыми бородастые моряки обменивались между собой, стало ясно, что в самом деле «Туман» огибает Мокрые Камни

с запада, и уже скоро будет стоянка – некое место, где назначена встреча с торговыми партнерами.

Под вечер «Туман» лег в дрейф – опасные отмели были совсем близко, и в темноте двигаться становилось опасно. С рассветом снова поставили парус, и вскоре по левому борту путники смогли разглядеть, как волны меняются, кое-где вздымается прибой, увенчанный шапками пены, а где-то, напротив, вода становится ровной и гладкой. Море причудливо играло на отмелях и подводных скалах, увитых бурными водорослями. Над водой ветер носил клочья тумана...

Парусник медленно продвигался по краю опасного скопления скал. К полудню моряки оживились. Никлис снова отправился потолковать с контрабандистами, и вскоре возвратился с сообщением: впереди дым. Причем команда «Тумана» ведет себя спокойно, должно быть, дым – это условный сигнал, который давно высматривают с бака.

Вскоре и путники разглядели белесую струйку дыма, ветер трепал и разносил седые хлопья над морем, потом по курсу показалось темное пятнышко, над которым и вставал дым. Островок. Должно быть, как раз там есть источник пресной воды, и там «Туман» ждут.

* * *

Команда работала слаженно и молча – людям Вереха не требовалось обсуждать свои действия.

– Не впервой, слышь-ка, они здесь идут, – заметил Никлис. – Я-то с северными людьми поштался по волнам, уж я-то вижу.

– Сами знаем, – буркнула Ннаонна. – Только остров за камнями, как туда пойдем? Под парусом?

Этого Никлис не знал. Путешественники выбрались из каюты и стали наблюдать. Матросы убрали парус и спустили шлюпку. Гребцы – те же молчаливые бородачи, что доставили гостей на борт, разобрали весла, им бросили канат, закрепленный на форштевне. Дальше «Туман» двигался на буксире. Белесый дым поднимался совсем рядом, но остров пока что разглядеть было невозможно – между ним и судном лежали отмели, там вздымались волны, летели брызги, а островок, выходит, был невысок. Шлюпка медленно повлекла парусник вдоль бурунов, потом в полосе прибоя открылась широкая прореха, свернули туда. «Туман» прошел мимо отмелей, Никлис вполголоса заметил, что опасности не было – фарватер широкий и безопасный. Потом вода за бортом успокоилась, сюда уже не доставали волны, между каменными макушками, торчащими из пучины, лежала гладкая, как стекло, поверхность. Макушки Мокрых Камней там и сям торчали из стеклянного океана, округлые, обточенные водой, поросшие бурными шевелюрами водорослей... Парусник скользил по стеклу, поднимал волну, которая заставляла водоросли причудливо шевелиться. Если глядеть вдаль, то каменные макушки сливались в поросшее мерзкими побегам поле, море казалось болотом.

Наконец впереди показался островок – черная полоса, лишь чуть-чуть приподнятая над округлыми валунами, облепленными ворохами морских растений. Его бы не разглядеть, когда бы не примета более заметная – у острова пришвартовался корабль. Парусная лодка с Архипелага, очень напоминающая корабль старины Рунгача.

Появление «Тумана» не осталось незамеченным – вскоре на берегу можно стало разглядеть приплясывающие фигурки моряков. Разумеется, это были островитяне с Архипелага, такие же грязные оборванцы, как и команда Рунгача. И вели они себя так же, смеялись, бурно жестикулировали и скалили желтые зубы. «Туман» встал бортом к борту у парусника островитян, спустили сходни – корабль смуглых был заметно ниже и сидел глубоко – он был загружен бочонками. Знаменитое вино Архипелага. Трое мужчин – старшие над островитянами – поднялись на судно Вереха, шкипер продемонстрировал им новый товар – оро-

чьи поковки. Островитяне принялись хором хулить железо, сбивали цену. Однако товар им понравился – это стало ясно, когда торг сладился очень быстро. Ударили по рукам, и закипела работа – бочки стали сгружать на «Туман», а оттуда взамен потащили изделия орков.

Наблюдать за погрузкой вскоре надоело, и Ннаонна отправилась на остров, побродить по тверди. Клочок суши был совсем невелик, девушка вскоре возвратилась, она рассказала, что посреди острова торчит скала, из которой струится пресная вода. Скалу было видно и с «Тумана», только ключ оказался по другую сторону. Пока шла погрузка, юнга пошел за водой. Ему приходилось подолгу ждать, покуда наполнится бурдюк, потом он нес воду на «Туман» и выливал воду в бочонок, потом снова шел к скале. Когда стемнело, зажгли факелы, а на берегу развели костер из разломанных ящиков, погрузка продолжалась при свете пламени.

На другой день суда были готовы к отплытию, а юнга заполнил пресной водой все бочонки на «Тумане».

Пока моряки шумно прощались, Никлис заметил:

– А ведь врут, пожалуй, сказки-то.

– Ты о чем? – любопытствовала Ннаонна.

– О том, твоя великая милость, что, слышь-ка, не мог Гангмар эти камни здесь насыпать в море. Потому что вода-то пресная – откуда? Она из глубин должна выступать, стало быть, этот островок – он Гилфингом сотворен изначально, не Гангмаром сюда брошен. О как!

– А может, этот остров здесь был от Сотворения, а другие камни Гангмар притащил? Что, съел? – Ннаонна с торжеством поглядела на бывшего разбойника. – Это называется критическое мышление, правда, Ингви?

– Молодец, запомнила. Но мне интересно, что будет теперь. Пора идти к устью реки, откуда мы начали плавание. Пришел волнующий момент – Вереху придется исполнять условия нашей сделки. И он выглядит не очень-то веселым. Как будто не провернул выгодную операцию. Между тем, вино по самым скромным прикидкам на континенте будет стоить раз в двадцать больше орочьих поковок.

Ннаонна тут же уставилась на шкипера, который искоса посматривал на пассажиров. Тот, заметив обращенный в его сторону взгляд, быстро отвел глаза.

Глава 5

Ванет, столица и дальше к востоку

Вести, одна удивительней другой, бродили по империи, множились, распадались на части, на версии и ответвления, которые затем начинали жить независимо друг от друга, ползли от трактира к трактиру, от погоста к погосту, искажались до неузнаваемости, снова встречались, описав извилистые траектории – и не узнавали друг друга. Сливались вновь, пожирали друг друга, либо обменивались некоторыми подробностями, либо расставались невредимыми... Сплетни и тревожные слухи будто жили собственной жизнью, одновременно похожей и не похожей на человеческую. Нынешнее лето в империи выдалось неблагоприятным для людей, зато изобильным слухами. В этом году выгодней оказалось быть вздорной небылицей, чем человеком, ибо люди гибли во множестве, а небылицы плодились и благоденствовали.

Прежде всего, огромное количество новостей породил поход императора на запад. Этому не ждали, ибо давно сложилась традиция, согласно которой императоры, прекрасно зная о том, что такое Сантлак, закрывали глаза на нелады огромной страны. К тому же общее мнение было таково, что нынче существуют куда более насущные проблемы. Наконец, оставшийся в распоряжении Алекиана обломок империи истощили войны прошлого года. Казалось, сил для наступления – куда бы то ни было – неостанет. И когда Алекиан удивил всех странном решением – слухи поползли во множестве. Потом – не без участия двора и Церкви – появились известия о великих победах, одержанных его величеством. Слухи эти возникли, когда армия еще стояла в Трингвере, так что правды в них было не больше, чем в мешочках архиепископа Мунта, набитых черепками... Затем, когда Алекиан выступил из Трингвера на запад, а в город явился сантлакский епископ Ранлей, слухи обрели новую почву. Оба клирика, епископ и аббат монастыря блаженного Ридвика, развили бурную деятельность, приводя к покорности округу и рассылая во все стороны странствующих братьев с тайными инструкциями. Дело осложнялось тем, что святые отцы ставили друг другу палки в колеса.

Алекиан не раз высказывался в том смысле, что сантлакская епархия чересчур обширна, и ее следует разделить на несколько, появятся новые епископы, а аббат обители блаженного Ридвика – вполне подходящая кандидатура. Аббат получил довольно намеков от Алекиана, чтобы уверовать в собственное будущее епископство.

Ранлей же считал, что хорошо послужил Церкви и престолу, так что его епархия не должны быть урезана, а притязания аббата безосновательны. На словах эти двое демонстрировали трогательную дружбу, но втайне вредили друг другу. Словом, в итоге сообщения из Сантлака были обильны, запутанны и противоречивы.

Далее следовали слухи с севера. Тут и пояснять не требуется – по приказу Мунта распространялись сообщения о великих победах Белого Круга, но и гибель армии Церкви не могла остаться совсем уж незамеченной, так что из Феллиоста расходились самые удивительные сплетни и байки.

Затем – панические слухи, доходящие с востока. Беглецы, графы восточного Ванета и их солдаты, всячески преувеличивали силы черного мага, чтобы оправдать собственную трусость. В их рассказах могущество могнакского чародея обретало поистине эпические размеры.

И нашествие варваров северян также породило громадное количество страшных сказок. Сообщения о зверствах морских разбойников накладывались на старые предания о культах, не до конца искорененных Церковью в тех краях, так что картина вырисовывалась совсем уж страшная.

Ну и наконец поход гномов на Малые Горы, сопровождавшийся погромами и бунтами в Анновре. Небывалое, невиданное событие. Гномы побежденные в прошлое царствование, казалось, уже более не способны причинить существенный вред Империи, к тому же на их пути стояла верная и сильная Фенада. И вот теперь, когда Гратириан Фенадский присоединился к нелюдям – удар, нанесенный войском подгорного народа, оказался неожиданно сильным и действенным. Да еще – глупый слух о том, что маги действуют заодно с гномами. Несмотря на очевидную абсурдность, именно этим наветам верили особенно охотно. Чародеи и прежде не пользовались расположением черни, а теперь и подавно оказались объектом всеобщей подозрительности.

Все эти слухи, сплетни, страшные сказки и нелепые выдумки, сходились в Ванетинию со всех сторон, столица была наводнена слухами, переполнена ими. В центре волнующегося моря слухов громадой стоял Валлахал, незыблемый, не подверженный странным случайностям... и вот оттуда из самой сердцевины миропорядка, из основы стабильности в волнующемся хаотическом Мире, пришел новый слух – о чудесном исцелении великого полководца Империи маршала Брудо ок-Икерна.

И, хотя новость казалась отрадной, она тоже вселяла неуверенность и тоскливый страх, люди Мира привыкли бояться любых новостей, как дурных, так и добрых...

* * *

Источник новой сплетни, отмытый и накормленный, выслушал доклады. По распоряжению Санеланы маршалу ок-Икерну зачитали донесения из Феллиоста, письмо Алекиана, пересказали сообщения, принесенные гонцами из Неллы и Анновра. Маршал чувствовал себя странно, он был бодр, мыслил здраво, но совершенно не помнил, что произошло с Миром, пока он, сэр Брудо, общался с духами. Событий, которые произошли за полгода, хватило бы лет на двадцать – в прошлые, мирные и упорядоченные, времена. А сейчас Мир бесился и летел вскачь, да и время, похоже, решило сплясать странный танец. Столько событий, столько перемен!

Война повсюду, враги наседают, а император отправился походом в Сантлак – едва ли не самое верное престолу королевство. И там Алекиан тоже в опасности. Церковь сражается с нелюдями, Энмар предлагает союз, гномы и эльфы вторгаются на земли империи... да еще черный маг – говорят, что из самого Могнака забытого! Если бы не злоеца слава Гериана Проклятого, ок-Икерна считал бы, что это вторжение менее опасно, нежели прочие... да вот странные известия о поражении ок-Линвера. Сэр Брудо был невысокого мнения о полководческом искусстве старика, но все же... все же... более, того, этот враг был ближе прочих, то и дело приходили сообщения о том, что черное войско идет на Ванетинию. Слухи всякий раз оказывались сильно преувеличенными, но притом не безосновательными! Дело в том, что мародеры из Гевы – псы, спущенные Кевгаром – прослышав о поражении имперцев, стали носить черное. Теперь черных всадников видели то тут, то там, и любая захудалая банда обращала в бегство ванетских солдат одним лишь видом черного тряпья...

Словом, взвесив все так и этак, ок-Икерна решил отправиться на восток. Эльфы, гномы и северные варвары были далеко, а войско некроманта – совсем рядом. И потом, Кенперт Вортинский все равно собирался отправляться на восток – узнать о судьбе ок-Линвера, так уж лучше эту миссию возьмет на себя сэр Брудо... Санелана не хотела отпускать маршала, ей снова стало страшно, что останется одна среди пустых лиц придворных, среди пустых глаз и пустых речей... но она привыкла не противиться воле сильных мужчин, согласилась и на этот раз.

Ок-Икерну принесли старые доспехи. Маршал медленно провел ладонью по нагруднику, пальцы то и дело проваливались во впадины и цеплялись за шершавые царапины. Каж-

дая отметка на металле – память о стычке, сражении, поединке. Каждая вмятина – память о пережитой опасности. Ок-Икерн водил рукой по доспехам, и картины битв вставали перед глазами. Память плескалась из помятого металла в пальцы, струилась по венам, стучала в сердце, мягко сжимала виски. Ок-Икерн становился собой! А уж когда он вытащил меч из ножен... улыбка прорезала буйную бороду – сэр Брудо запретил стричь это гномье украшение, и теперь, как в прежние времена, когда нанимался в Ренпристе, щеголял буйными зарослями, скрывающими нижнюю половину лица. Тем не менее, когда маршал показался во главе конного отряда на улицах Ванетинии, его узнали. Горожане останавливались и провожали героя долгими взглядами, некоторые выкрикивали слова одобрения, женщины смахивали слезы. А сэр Брудо молчал. Пока не началась его военная миссия, оставалось немного времени, чтобы подумать: кто он теперь? Для чего его вырвали из жизни и почему возвратили именно теперь? Чего ждет судьба от старины ок-Икерна?

* * *

Перед выездом сэр Брудо прихватил из канцелярии списки сеньоров, мобилизованных капитаном ок-Линвером. Когда дорога проходила мимо городка, граф которого числился состоящим в войске, маршал велел свернуть. В воротах он осведомился у стражников, дома ли его светлость. Оказалось, не вернулся из похода. Ок-Икерн пожал плечами и велел конвою следовать дальше – к следующему городу. На место прибыли уже под вечер. Тамошние стражи неохотно признались: граф у себя. Возвратился недавно, но ни разу не показывался в городе. Маршал направился в отель, оставив у ворот шестерых солдат. Этим было велено: не выпускать никого, кто хоть немного похож на графа.

У графского отеля было тихо. На стук отозвался привратник:

– Кто пожаловал?

– Имперский маршал ок-Икерн. Открывай, старина, у меня неотложное дело к твоему господину.

– Не велено, – отвечивал страж.

Ок-Икерн пожал плечами – он уже догадывался, что этот жест скоро войдет у него в привычку, и велел прибывшим с ним солдатам поджигать дом.

– С четырех концов, ребята, запаливайте сразу с четырех концов, так будет быстрее, а у меня мало времени, список большой!

Слова маршала услышали – подле входа в отель уже начала собираться толпа. Когда латник поджег факел, люди с криками «Пожар! Пожар!» бросились прочь. В маленьких городках, где дома лепятся друг к дружке внутри тесного кольца стен, люди боятся пожара больше всего не свете.

Распахнулось окно второго этажа, и граф, немолодой краснолицый толстяк высунулся по пояс:

– Эй, ты, кто ты такой, чтобы распоряжаться на моей... С-сэр? С-сэр Брудо?

Бедняга узнал маршала, и воинственный пыл мигом покинул его.

– Да, это я. Выходите, добрый сэр, и, надеюсь, вы сумеете подыскать объяснения своему дезертирству. Выходите, я считаю до десяти, потом мои люди подожгут отель.

– Но я не дезер...

– Раз!

– Проклятье! Гангмар возьми ок-Линвера, он просто-напросто загнал нас в...

– Два!

– Загнал в ловушку, отправил на верную смерть...

– Три! – маршал оставался невозмутимым и будто не слышал криков из окна.

– Хватит! Не считайте, я выхожу, но будьте же милосердны, сэр...

Толстяк вышел на крыльцо и снова завел речи о глупости ок-Линвера и о том, что война под началом такого командира – смерть без пользы. Сэр Брудо глянул на гвардейца и бросил:
– Повесить!

Он прекрасно видел, что граф – человек вовсе не воинственного нрава, и понимал, что доводы его не лишены смысла, в самом деле, если слухи верны хоть на четверть, капитан погубил войско без толку... но сейчас справедливость была вовсе не тем, в чем нуждалась империя.

Тут граф вдруг шумно засопел и налился багровым румянцем. Он вытащил меч и объявил:

– Гангмар возьми вас всех! Попробуйте меня взять, негодяи!

Похоже, этакая смелость оказалась для самого графа неожиданностью, руки бедняги дрожали, острие меча ходуном ходило перед его выпученными глазами, он отчаянно трусил, но в самом деле готовился драться.

– Отлично, граф, – бросил ок-Икерн. – Я не стану губить такого храбреца, вы еще можете быть полезны империи. Казнь не отменяется, но у вас появился шанс. Проявите себя на войне, и будете помилованы. Жду вас через два дня у замка Корвуст. Приводите всех людей, каких только сможете собрать.

Маршал повернул коня и поехал к воротам. Вокруг метались люди, гремели ведрами, расплескивали воду – они прибежали на крик и еще не знали, что пожара нет. Сэр Брудо не смотрел на суету, он прикидывал, скольких сеньоров успеет посетить, прежде чем достигнет Корвуста, где он намеревался собрать войско. Вряд ли нужно будет запугивать многих, достаточно навестить еще парочку дезертиров. Остальное сделают слухи. Ок-Икерн не сомневался, что найдет у Корвуста достаточно многочисленное войско.

Глава 6

Восток Ванета

Войско некроманта оставалось на поле битвы два дня. Подручные магики приводили в порядок мертвых солдат, наемники собирали и делили трофеи, но больше всего возни было с големом, пострадавшим от чар Изумрудов. Испорченные доспехи – самое малое, что подлежало исправлению. Мертвая плоть тролля получила несколько серьезных повреждений, тонкие связи, наведенные магическими отростками внутри гигантского тела, оказались нарушены и, что еще хуже – в них вплелась остаточная волшба чародейских ударов. Кевгар желал убедиться наверняка, что пострадавший гигант по-прежнему покорен его воле. Если во время схватки выяснится, что он недостаточно послушен, последствия могут оказаться фатальными. Вот на это и потребовалось время.

Глоада скучала, наемники устроили игру в кости, и многие умудрились спустить богатую добычу. Не убранные тела имперцев начали пованивать... наконец брат маршал решил, что мертвый тролль в порядке, и после этого отдал приказ: готовится к выступлению. Когда было объявлено направление на Аднор, солдаты оказались разочарованы. Особенно те, кто проигрался в пух. Они-то ждали, что взятие несчастного Аднора и победа над ок-Линвером – начало большого похода, в котором подобные приключения станут случаться постоянно, и добычи будет всегда навалом... потому и делали ставки в игре легкомысленно, но, как бы там ни было, спорить с некромантом никто не рискнул. Ну а те, кто остался в выигрыше – те были очень даже рады.

Войско вышло на тракт и неторопливо пылило на восток. Скрипели и стонали тяжелые повозки, в которых Кевгар снова загнал мертвых троллей, размеренно топали в ногу зомби. Солдаты нестройной толпой брели по дороге и у обочин, за армией следовал громоздкий обоз. Фургоны с лошадьми также стали добычей, а на облучках сидели те, кто накануне оказался удачлив в игре, они сложили в трофейные повозки свой выигрыш. Солнце припекало, солдатам было жарко, черные доспехи на мертвых воинах сильно нагрелись...

Кевгар ехал во главе колонны, за ним катилась кибитка Глоады. Принцессе было жарко, она вертелась так и этак в душном чреве кибитки, выставляла наружу то руку, то ногу, потом выбралась наружу и пошла вдоль обочины. Кевгар тут же развернул коня и пристроился около – так, что его громадная тень накрыла девушку, и Глоаде было не так жарко.

А вокруг расстилался пустынный край. Сейчас лето вступило в свои права, все вокруг цвело, жужжали насекомые, галдели птицы в рощах... Но людей не было. Местные разбежались из страха перед черным войском. Обычно в такое время дороги не пустуют, у всех находятся дела, жители городов и сел пускаются в путь, не говоря уж о купцах, для которых лето – лучшее время, время заработка. Но этот уголок империи сейчас обезлюдел.

Оказавшись в тени, Глоада оживилась. Она с любопытством разглядывала цветы и прислушивалась к птичьим трелям. Ничего подобного в ее родных болотах не увидишь, там все куда серей и тише. Девушка побежала прочь от дороги, сорвала несколько ярких цветков. Кевгар наблюдал за ней и удивлялся. Никогда прежде возлюбленная не интересовалась подобными глупостями. Тем временем колонна зомби прошла по дороге дальше, теперь мимо шагали солдаты из Ренприста.

Болотница рассматривала цветы, вертела их перед глазами, нюхала, потом окликнула проходящих мимо солдат.

– Эй, уроды, как называется эта вот штука?

– Лютик, госпожа! – откликнулся молоденький паренек, тот самый, что подарил Глоаде цепочку для ящерицы.

– А он ядовитый?

– Нет, госпожа!

– Какая гадость! – Глоада отшвырнула букет и отерла ладони о мешковатое платье. – Кевгар, подгони этих лодырей, поедем скорей! Я хочу в Аднор, мои славные толстые горожане, должно быть, заждались! И еще интересно, какую встречу приготовил нам прощельга Рисп.

* * *

Рисп в самом деле много думал над о церемонии. Ему очень хотелось угодить брату маршалу и, главное, сумасбродной злючке из болот. Рыцарь прискакал в Аднор, для порядка разругал солдат гарнизона, закрылся в графском отеле и напился. Он надеялся, что доброе вино подскажет верную мысль. Однако хмельной напиток надежно хранил свои тайны – наутро Рисп встал с больной головой и без малейших проблесков мысли. И чем сильнее ему хотелось угодить могущественному покровителю, тем сильной боль сжимала виски... В конце концов, Рисп собрал своих людей и велел, чтобы весь город – от мальцов до больных стариков – был готов приветствовать гостей. Нет, каких гостей? Хозяев! Хозяев жизни и смерти. А если у хозяев руки не дойдут – Рисп обещал самолично прикончить того, кто покажется недостаточно усердным.

Аднорцы не прекословили. Они, разумеется, знали, чем закончилась битва между имперцами и некромантом. Да как не знать! Солдаты Риспа щедро тратили награбленное серебро в кабаках. Они бы отбирали бесплатно, что им нравится, да Рисп запретил. Он уже чувствовал себя хозяином города, графом Аднорским – и заботился о благосостоянии своих холопов. Словом, горожане не надеялись на избавление и были готовы научиться жить под новой властью. Встреча, так встреча... дело-то нехитрое.

Когда дозорные прискакали с известием, что войско на подходе, люди Риспа погнали аднорцев на улицы. Горожане встали на тротуарах, часть вышла из ворот, и в руках каждого был букет. Красные, желтые, голубые цветы отлично контрастировали с бледными лицами.

Рисп верхом на коне и с заготовленной улыбочкой на лукавой харе стоял первым, за ним – растянувшаяся от ворот к графскому отелю толпа.

Брат маршал, возглавлявший колонну, смерил хитреца тяжелым взглядом и промолчал, он сам пока не понял, нравится ли ему такое усердие прощельги. Зато Глоада заинтересовалась. Высунулась из возка едва не по пояс и уставилась на аднорцев. Те ежились под пристальным взглядом болотницы и втягивали головы в плечи, смелые опускали глаза, робкие прятались за букетами.

– Цветочки! – каркнула принцесса. – Цветочечки! Мерзкие твореньица Гунгиллы! Что за пакость, а! Эй, вы, ленивые уроды! Завтра все соберетесь на площади перед графским отелем, слышали? Рисп, ты слышал? Соберетесь, чтоб я вас из окна всех видела, мерзавцы! Да не с цветами, тьфу! Пусть у каждого в лапах будет по лягушке. А ты не скалься, Рисп, тебе рано скалиться. Ты пройдешь с солдатами по городу и всех, кто не принесет мне лягушку на площадь – всех убьешь, понял? Вот тогда и повеселишься, а сейчас спрячь зубы. Поехали, милый! Цветочки у них...

– Как прикажете, моя прекрасная госпожа, – согласился Рисп. – А сейчас прошу к столу! По этой улице! Я следую за вами.

Кевгар велел солдатам располагаться на поле перед воротами, Потом они двинулись мимо вереницы горожан, которые еще не слышали, что было сказано за воротами, и покорно махали букетами. Улочки были тесные, и аднорцы вжимались в стены, чтобы оказаться подальше от сердитой Глоады, которая пялилась из темного чрева возка и бормотала проклятия – негромко, но кто стоял рядом, отлично слышали.

На центральной улице, где ширина позволяла, Кевгар поравнялся с повозкой.

– Тебе не нравятся цветы, жизнь моя?

– Они лгут!

– Лгут?

– Ну да! Ты просто не понимаешь, потому что привык. Ты жил в краю, созданном Гилфингом, верно? А вот у нас на болотах нет таких красок, у нас все серое... Серое небо, серые деревья, серая земля, серые звери... Люди тоже серые, но я не о них... хотя и о людях тоже... Ты видел мухоморы? Они яркие! Мухоморы – самая яркая штука в Болотном краю! Потому что мухомор предупреждает: я отравлен. Если змея ядовитая, она непременно украшена яркими пятнами. Ты видел, как малыш Дрендарг раздувает шею перед боем? Он предупреждает: я отравлен. У него ядовитые зубы. Он создан Гангмаром, не Гилфингом Светлым, и он честен. Он ядовит и предупреждает тебя об опасности. Да ведь и с людьми тоже самое! Дружки моего сволочного братца с ног до головы увешаны яркими побрякушками, пестрыми ленточками и всякой мишурой. Если я вижу в Болотном Краю пестро наряженного молодчика, то могу быть уверена: он смертельно опасен, как ядовитая жаба, на спине которой яркие блестящие бородавки. Они такие красивые, их можно принять за самоцветы... а здесь красивые цветы – безобидные, мягкие, хрупкие! Какая ложь...

Вдохновенную речь девушки прервал пронзительный вопль:

– Будьте вы прокляты, гангмарово семя! Будьте вы прокляты! Будьте вы прокляты трижды по тридцать раз!

* * *

Орал священник. Святому отцу давно опротивело служение под властью тех, кого он считал исчадиями Гангмарова Проклятия, он с ненавистью подчинялся и читал псалмы во здравие Кевгара и Глоады – злобных нечестивцев. Подчинялся и копил злобу. Чем дальше, тем хуже. Разбойного вида солдаты из Ренприста, составлявшие гарнизон Аднора, ходили по городу, глядели хозяевами и своевольничали. Священник распалялся злобой, но сдерживался – ему было так же страшно, как и остальным... однако чем дальше, тем сильнее крепла в нем уверенность: он сумеет вознести слово протеста, сумеет призвать паству к сопротивлению Злу, покажет личный пример.

Этот святой отец уже заранее примерял венец мученика и ждал лишь возвращения тиранов в Аднор, чтобы принять свою участь. Можно было бы и раньше, но какой толк в том, чтоб тебя побила пьяная солдатня? Кто заметит, кто оценит сей подвиг смирения? Священник уже пробовал, отказывался молиться во здравие нечестивцев – но дело окончилось тем, что его сбили с ног ударом кулака и немножко попинали тяжелыми сапогами. Били умеренно, ничего не повредили, но поиздевались всласть, да и ухо до сих пор побаливало после соприкосновения с солдатским кулаком. И пуще боли мучило унижение – прихожане видели расправу и помалкивали, не хотели оказаться побитыми так же, как их пастырь. Совсем иное – бросить гневную проповедь в лицо тиранам. Словом священник ждал своего часа и вот – дождался!

– Мерзкие твари, выползшие на гилфингов берег из болота, грязные змеи! Вы не властны над душой праведного человека! – надрывался поп, и страх перед неминуемой расправой придавал ему усердия.

Глоада заинтересовалась. Она остановила повозку, высунулась в оконце и слушала гневную речь, приоткрыв рот. Девушка изумленно хлопала глазами и задумчиво теребила черную прядь волос.

– Смотри-ка, милый, – обратилась девушка к Кевгару. – Какой занятный человек! У этого парня определенно имеется талант!

А обличитель заливался, заходился криком, он глядел в небеса – поверх возка с при-
молкшей болотницей, поверх крыш, крытых красной черепицей, поверх шпилей и дымовых
труб.

– Что, думаете, нет высшего суда над вами? Он придет, не сомневайтесь! Не боюсь я
вас и ваших мертвецов, боюсь лишь суда Гилфинга Светлого, он мой истинный повелитель,
не вы, грязные твари! Только он, судия и исполнитель, он мою душу казнил бы, провинись
я перед ним, а вам подвластно лишь тело! Тело слабо, тело ничтожно, возьмите его и пода-
витесь!

Рисп привстал в стременах, отыскал глазами своих людей и коротко кивнул. Двое сол-
дат в сером отгеснили конями горожан с их букетами, спрыгнули на мостовую и ловко зало-
мили руки священнику. Тот пискнул и смолк.

– Тело? – тут Глоада повысила голос. – С чего ты взял, что мне будет интересно твое
тело? Тоже мне, какой мужчинка выискался... Эй, отпустите его! Руки прочь от попа, я ска-
зала!

Серые покорно отступили. Священник собрал остатки достоинства и попытался гордо
выпрямиться. Вышло у него не очень хорошо.

– Тело у тебя, голубчик, так себе, довольно убогое тело. Ишь, брюхо какое отрастил,
лодырь! Но в остальном ты мне нравишься. Славненький крикун, – Глоада милостиво улыб-
нулась и, высунувшись сильнее в окошко, поглядела на Риспа. – А ты, прохвост, знаешь, как
мне угодить! У-у, хитрец!

Кевгар помалкивал, с сомнением слушая любовницу.

– Милый, – обратилась к нему болотница, – ты видишь, этот городок не лишен прият-
ности. Задержимся здесь ненадолго?

– Как ты захочешь, Глоада.

– Итак, завтра под утро нам принесут лягушек. Хи-хи, я представляю эти рожи. Как
они станут корчиться, когда вместо привычных цветочков у них в руках окажутся мерзкие
скользкие лягушечки. А ты, святой отец, приходи почитать нам свои замечательные пропо-
веди! О Гангмаровом Проклятии, о мерзких змеях... ну да что я тебя учу, таких учить –
только портить. Придумай что-нибудь новенькое к завтрашнему утру. Но насчет тела – даже
не думай, ты не в моем вкусе!

И принцесса послала опешившему священнику воздушный поцелуй.

Глава 10

Море к западу от Легонта, Мокрые Камни

Корабль островитян снялся с якоря, смуглые моряки, осторожно отталкиваясь шестью, отвели парусник от прибрежных камней и развернули. Их приятели, весело галдя, установили парус. Суденышко развернулось носом к полосе прибоя, едва заметной вдалеке, и двинулось к выходу из лабиринта подводных скал. Команда и пассажиры провожали парусник взглядами. Вопли островитян далеко разносились над водной гладью.

– Радуются они, слышь-ка, – заметил Никлис. – А чего же, раньше орочьего железа не видали?

– Выходит, так, – кивнул Ингви. – Я тоже об этом подумал.

– А чего так выходит? – тут же влезла в разговор Ннаонна. – Наши товары попали в Энмар, потом на север, оттуда снова сюда? А сами энмарцы – что же, не могли железки на Архипелаг доставить? Они же с царями великих островов торгуют.

– Я слышал, в Энмаре запрещено реализовать это железо, только транзитом – на вывоз. Пекондор говорил, их кузнечный цех настоял.

– И что же? Это же и есть вывоз – на Архипелаг.

– Вероятно, торговля железом в руках купцов, связанных с кузнецами, и у них, должно быть, постоянные контракты. Стало быть, местные купцы покупают товар у местных кузнецов и не хотят портить отношения.

Суденышко островитян исчезло, растворилось в сером горизонте, там, где полоса прибоя, указывающая границу Мокрых камней, сливалась с небесами. А команда Вереха словно не собиралась сниматься с якоря. Несколько моряков неторопливо расхаживали по палубе и занимались какими-то делами, сматывали канаты, перетаскивали вдоль борта ящики. Большая часть команды бездействовала.

Ингви прошел мимо невозмутимых матросов на ют и окликнул Вереха:

– Эй, шкипер! Теперь наш черед! Когда повезешь нас к южному берегу?

– Сейчас, – спокойно отозвался моряк, – кое-какие приготовления нужно закончить. Скоро отчаливаем.

Но прошло не меньше получаса, а «Туман» не двигался с места, как будто контрабандисты чего-то ждали.

Пассажиры расположились у борта и зевали... Вдруг Кайон заорал:

– Смотрите! Дым!

Все тут же засуетились, бросились к бортам, стали вглядываться в горизонт. Матросы кричали и указывали пальцами – над морем была четко различима полоска дыма, в море что-то горело.

– Это парни с Архипелага! – выкрикнул Кайон. – Их судно горит! Смотрите!

– Их перехватила бирема, жгут корабль! – откликнулся кто-то из моряков.

Все снова загалдели, проклиная энмарцев и строя всевозможные догадки о судьбе торговых партнеров. Дымовой столб окреп и налился черным, теперь его было очень хорошо видно. Моряки выстроились вдоль лееров и переходили с места на место. Ингви показалось, что в результате они медленно смещаются от кормы к баку.

– Это, слышь-ка, непонятно, – заметил Никлис. – Бирема – она же громадная. На таком расстоянии, чтоб дым густой видеть, мы бы и паруса заметили! Хотя бы мачты!

Речь Никлиса прервал близкий грохот и отчаянный визг. Ингви оглянулся – дверь их каюты распахнулась, и спиной вперед вылетел парнишка – родич Вереха. Следом за мальцом изнутри вырвался сноп дыма, пересыпанный разноцветными искрами. Юнга грохнулся

спиной о доски палубного настила, крик оборвался, из откинутой руки вывалился обгорелый кусок радужно блестящего шелка.

Ингви ощутил движение совсем рядом, начал оборачиваться – на него летел матрос с ножом в поднятой руке, за ним неслись товарищи, так же вооруженные ножами, топорами и тесаками. Демон вскинул руку, торопливо бормоча боевое заклинание, он не успевал. Никлис, пригибаясь, развернулся, взмахнул дубинкой – удар сбил моряка с ног, на Никлиса бросились контрабандисты, бежавшие следом, завизжала вампиресса... Команда дружно и слаженно напала на пассажиров, когда юнга пробрался наконец в каюту и попытался завладеть Черной Молнией...

* * *

Раздумывать было некогда. Ингви и не думал – такие вещи он проделывал машинально. Струя пламени с зачарованного перстня хлестнула вдоль палубы. Из-за боязни задеть Никлиса демон взял высокомерно, огонь ударил верхом, но моряки замерли, пригнулись, двое присели, прикрывая голову руками. Никлис бросился на них, размахивая дубинкой, а Ннаонна уже дралась в толпе контрабандистов, раздавая удары направо и налево. В руке девушки был кинжал, с которым она никогда не расставалась. Вампиресса визжала и металась среди опеших матросов, Кайон отскочил в сторону, сжимая распоротую руку, из раны хлестала кровь.

Ингви бросился в каюту. Среди разворошенной поклажи и на полу шевелился меч. Черная Молния вобрала в путешествии достаточно магии, чтобы удар вышел очень сильным. Когда юнга неосторожно высвободил рукоять из шелковой оболочки и прикоснулся к зачарованным багровым камням, заклинание сработало с таким эффектом, будто здесь произошел взрыв. Кое-где вдоль стен тлели опаленные лохмотья ткани, в которой трудно было угадать великолепный шелк. Меч, дребезжа, подпрыгивал на досках пола и медленно полз к установленной в углу кадке с Древом.

Король прыжком настиг ожившее оружие, подхватил и метнулся наружу. Никлис уже с трудом отбивался от нападающих моряков, его несколько раз успели достать, и на одежде начальника стражи сквозь порезы проступила кровь. Ннаонну не могли остановить, но девушку теснили и наверняка вот-вот должны были сбить с ног... Среди возни стоял Верех с коротким мечом в руке и пялился в дверной проем – ждал Ингви. Завидев последнего противника, шкипер заорал: «Бей колдуна!» – и первым кинулся на демона. Ингви пустил клинок по дуге, превращая движение в удар, мечи встретились в воздухе, звонко лопнула сталь под черным лезвием, Верех рухнул, обливаясь кровью, он силился поднять руку с обломком оружия, но сил уже не хватало...

Ингви двинулся на моряков, поспешивших на призыв шкипера. Теперь он рубил широко, не выискивал цель, а стремился оттеснить противника, чтобы пробиться на помощь к Ннаонне. После первых выпадов моряки оценили силу черного меча и пятились, не пытаясь парировать или контратаковать. Ингви, переступая через корчащиеся тела, преследовал. Никлис свалился на палубу, когда демон отогнал от него разъяренных контрабандистов. Тем временем Ннаонна, пытаясь увернуться от направленных в нее ударов, отступала к корме, там моряки наконец сумели пробиться сквозь вихрь кинжальных выпадов и навалились на девушку. Сразу трое напали на вампирессу, один тут же с воплем отскочил – кинжал вспорол ему живот, двое прижали отчаянно брыкающуюся Ннаонну к палубе...

Черное лезвие встретило в движении мачту, удар отозвался грохотом, ворохи искр сыпанули в стороны... а потом мачта под душераздирающий скрип и треск рвущихся снастей стала крениться, грозя придавить сражающихся. Матросы заметались, бросились к корме. Те, что набросились на вампирессу, теперь тоже кинулись к борту, но уйти успел лишь

один, Ннаонна вцепилась во второго, мигом взлетела ему на плечи, контрабандист выронил дубинку и слепо завертелся на месте, девушка левой рукой вцепилась в его лицо, из-под пальцев текла кровь, а правая – с кинжалом – быстро взлетала и опускалась. Несколько уцелевших моряков перемахнули леера и пропали за бортом, взлетели брызги.

Магические искры подпалили такелаж, а мачта рушилась с возрастающей скоростью... Визг Ннаонны, плеск воды за бортом и потрескивание тлеющих снастей потонули в грохоте, когда мачта обрушилась поперек палубы. И тут же свалился контрабандист, которого добила Ннаонна.

Ингви кинулся к вампирессе, та обернулась на встречу, смахнула кровь, стекающую из разбитого носа... Демон обнял ее, осторожно держа черный меч на отлете, чтобы не задеть девушку ненароком.

* * *

Потом стало тихо, лишь Никлис сопел и отхаркивался, разглядывая ушибы и порезы на боках. Раны были не опасны, хотя помяли его в драке крепко. Начальник королевской стражи поднялся и проковылял к борту. С минуту понаблюдал, как удаляется лодка с уцелевшими контрабандистами, потом заметил:

– Утекли. Зачем? Куда им здесь плыть, это же Мокрые Камни!

Ннаонна оторвалась от короля и пояснила:

– Их эти подберут, темненькие. С Архипелага.

– Вряд ли станут дожидаться, – возразил Ингви, – Их попросили, чтоб они дрянь какую-то подпалили, да и только.

Тут протяжно застонал Верех, победители сгрудились над шкипером.

– Надо, же живой, – заметил Никлис, – вот незадача какая... Вечно твое величество, слышь-ка, до конца дело не доведет! Ну ничего, для этого маленькие люди, навроде меня завсегда сыщутся. Мы это быстро поправим.

– Зачем напали на нас? – произнес Ингви. Он не спрашивал, просто думал вслух.

Верех открыл глаза и закашлялся, по щеке стекла струйка крови. Моряк умирал.

– Вы бы нас... все равно... порешили, – прохрипел он, и при каждом выдохе темная кровь струилась между бледными губами.

– Еще чего! – возмущение Ннаонны было совершенно искренним. – Нам домой нужно! В Альду! Мы бы честно...

– Врешь, девка... Заманить на... на пустой берег. Зачем к той реке? Там нет ничего... Убили бы нас, корабль бы забра... забрали... с грузом...

– Каждый судит по себе, – буркнул Ингви.

Он только теперь осознал, как выглядели их планы в глазах Вереха и матросов. Подозрительные чудачки – колдун, девушка и грубый мужчина с замашками грабителя – утверждают, что хотят отправиться на самый край Мира, в пустынную местность, куда не только Верех, но и никто из его знакомых моряков не ходил ни разу. Верех был уверен, что там ничего нет, глушь. Там, конечно, ждут поделщики странной троицы, там засада. Потому контрабандист и велел младшему родичу подслушивать, не выдадут ли чужаки в разговоре каких-то подробностей, потому и собрался напасть, предварительно выкравав заколдованный меч. Ну и попросил старых торговых партнеров – островитян, чтобы отвлекли опасных гостей, устроили видимость пожара. Драться-то сподручней у берега, Мокрые Камни – самое подходящее местечко.

Что ж, если принять сторону Вереха, он действовал вполне логично, хотел сберечь жизни своих людей и груз... так бы оно так, когда не одно важное обстоятельство.

– Врешь ты, Верех, – буркнул король. – Если бы так считал, отказался бы брать нас на борт. С самого начала убить замышлял.

Но возражать было некому – шкипер испустил дух.

– А что мы теперь будем делать? – поинтересовалась Ннаонна. – Матросов нет...

– Никир-викинг у нас, по крайней мере, есть, – ответил демон. – Никлис, сумеешь повести «Туман» на юг с такой никчемной командой? С меня – попутный ветер.

– Ветер, твое демонское, это очень даже славно... – с сомнением потянул начальник стражи. – Только мачты у нас нет. И парус ты спалил.

– Ну и что? Мачту поднимем. Я думаю, силенок у меня хватит, если все правильно организовать... ну а парус... Должен же быть на таком судне запасной парус, а? Найдем! Или взамен что-то соорудим. Ты, главное, сумеешь нас из этой западни вывести в открытое море?

– Стану, твое демонское величество, стараться изо всех сил!

– Это само собой. Если удастся, сам понимаешь – награжу по-королевски. Только одно условие.

– Это какое, слышь-ка условие?

– Не пей помногу. Наш «Туман» под завязку набит вином! Самым дорогим вином с Архипелага!

Глава 8

Ванет, к востоку от столицы

Отряд ок-Икерн без спешки продвигался на восток, не по прямой, а петляя – от замка к замку, от городка к городку. Повсюду спрашивали господ из мобилизационного списка. В большинстве поместий таковых не было на месте, кто отправился на запад с Алекианом, кто на восток с ок-Линвером и сгинул без следа. Сперва маршал полагал, что сэр Роккорт допустил небольшую ошибку, ослабил, что называется, поводья – и трусливые ванетцы разбежались, а сам капитан по-прежнему стоит против войска некроманта. Потому-то, неприятель и не продвигается в глубь имперской земли.

Однако чем дальше, тем очевидней становились сэру Брудо масштабы катастрофы. В самом деле, слухи не очень-то и лгали, ванетское воинство сильно поредело в этом походе. Оставалось непонятно, где сэр Линвер и почему черный колдун не спешит воспользоваться плодами победы. Тем не менее, встречались и беглецы, они, как и давешний граф, вздохнув твердили о страшном враге, валили вину на капитана ок-Линвера. Сэр Брудо решил, что старик сгинул в злосчастной битве – ругали его ванетские вояки так, как бранят лишь мертвого полководца, о живых не осмеливаются говорить в подобном тоне.

Ок-Икерн объехал больше десятка владений, и лишь в трех удалось застать хозяев дома. Правда, попадались солдаты – из тех, что уходили на войну, эти уверяли, что возвратились восвояси после гибели сеньоров. Им маршал тоже велел отправляться к замку Корвуст. Ничем не примечательное владение, принадлежащее короне. Ок-Икерн избрал его в качестве сборного пункта по той лишь причине, что помнил название замка и знал, что он находится на востоке.

Итак, маршал посетил с десятков владений. В последнем он не нашел графа на месте, но тот был жив и здоров. Прослышав, зачем ок-Икерн объезжает окрестности, местный сеньор сам отправился к Корвусту, не дожидаясь обещания повести его за нерадение. Тут маршал решил, что цель достигнута, и свернул на восток, чтобы больше не отклоняться от прямого пути.

В назначенный срок сэр Брудо появился у Корвуста. Под стенами замка расположился воинский лагерь – графы, местные сеньоры, их латники и латники погибших в битве... Всего около трех сотен кавалеристов далеко не лучшего пошиба... к тому же они отчаянно боялись некромантов, и сюда их пригнал лишь другой страх – боязнь расправы. Не то, чтобы маршал показался им опасней черного мага, но маршал был ближе! Неизвестно, как эти солдаты поведут себя, когда оба страха окажутся одинаково близко... К тому же у маршала не было ни припасов, ни обоза. Еще одна оплошность ок-Линвера, сам сэр Брудо никогда не поступил бы так самонадеянно, не стал бы рисковать обозом. А о пропавшем капитане по-прежнему не было никаких сведений. Во всем войске не нашлось ни единого солдата, который видел бы, куда мог подеваться сэр Роккорт. Раз его гибели не видели уцелевшие – стало быть, старик не бросился в первые ряды.

Но, как бы ни были плохи войны восточного Ванета, все же это было войско, и днем позже сэр Брудо повел его на восток. Вокруг цвели сады, на полях зрел урожай, год, похоже, выдался урожайный... однако местные крестьяне были напуганы и бежали в лес, едва завидев на дороге вооруженных всадников.

Чем ближе к гевской границе, тем чаще встречались сожженные и разоренные села, здесь успели похозяйничать псы Кевгара. Между тем ни единого отряда мародеров поблизости не обнаружили. Ок-Икерн заподозрил, что его люди трусят и, будучи отправлены в дозор, отсиживаются где-то поблизости, тогда он сам отправился на разведку, но тоже возвратился ни с чем. Более того, уцелевшие крестьяне рассказывали, что поселения жгут небольшие

отряды воинов в черном, их никогда не бывает намного больше десяти зараз. Это никак не походило на войско могнакского мага, одержавшее победу над капитаном ок-Линвером. Сэр Брудо ломал голову и никак не мог взять в толк: почему враг не использует преимущества своего положения? Почему не движется на восток? И где, Гангмар его дери, ок-Линвер? И куда подевались мародеры, совсем недавно разорявшие округу?

* * *

Не имея представления, где может находиться враг, ок-Икern повел своих людей к месту схватки. Пусть пропал капитан гвардии, пусть некромант и его черное войско не спешит разграбить беззащитный Ванет, но уж поле, на котором было разбито ванетское ополчение, никуда не денется. Оно и сейчас на прежнем месте, в этом сэр Брудо не сомневался.

Небольшая армия двигалась по тракту, высылая конные разъезды вперед и на фланги. После полудня левофланговый разъезд возвратился. Солдаты прискакали очень бодрой рысью и объявили, что к западу от маршрута движения колонны что-то горит. Проехать к источнику дыма и выяснить подробности они, разумеется, не рискнули, хотя находились совсем рядом. Хотя вслух никто о некромантах не заикался, можно было с уверенностью предположить – в пожаре ванетцам уже чудилось начало нашествия. Ок-Икern выслушал донесение, поглядел в указанную сторону – пожар за лесом стал сильнее, теперь дым можно было разглядеть и с дороги.

– Ладно, проверим. Поворачиваем на запад, – буркнул маршал. В этот момент его дружно ругали про себя все, до единого, солдаты. Им вовсе не хотелось проверять.

На этот раз ок-Икern сам возглавил головной дозор, потому что не мог доверять никому. Под его началом было несколько солдат гвардии, эти бы исполнили приказ в точности, если поручить им возглавить дозор. Но поставить какого-нибудь графа или владетельного сеньора под начало рядового? Нет, не выйдет. Все придется делать лично... Ок-Икern отправился во главе трех десятков кавалеристов на север, на горизонте перед ними вставал столб дыма – отличный ориентир. Чтобы не пеглять, вскоре пришлось свернуть с дороги, углубиться в лесок.

Через полчаса отряд миновал лес и выехал на опушку. Дальше расстилалось поле, под ветром зелеными волнами колыхался подрастающий овес, а дальше, за ручьем, лежала деревушка. Поле, разумеется, принадлежало общине, но сейчас ок-Икрен сомневался, что найдется, кому собрать здесь урожай нынешней осенью – деревня горела.

Маршал, привстав в стременах, вглядывался в затянутую дымом картину. Никто не суетился среди пылающих домов, не спасал скотину, не звал детей, не таскал воду из колодца. Поджигателей тоже было не видеть.

– За мной! – бросил ок-Икern и погнал коня по полю.

Тяжелые копыта с хрустом сминали зеленые, налитые соками, стебли, мягко бухали в рыхлую землю. Хорошее поле и славный урожай – да, по всему выходит, не достанется никому.

Отряд пересек поле, затем, расплескивая воду, проскакал через неглубокий ручей и оказался на окраине. Пожар уже шел на убыль, догорали подожженные постройки. Ручей в этом месте описывал петлю и пересекал деревню, вода оказалась преградой пламени, так что дома на противоположном берегу пожар не затронул. По-прежнему не было видно ни души.

– А вон, сэр, глядите, туда, – обратился к ок-Икernу гвардеец, – там сгоревшие дома, видите?

– Вижу.

Сэр Брудо разглядел за полосой дыма несколько дворов, сожженных только накануне. Обугленные остовы зданий и заборов не успели покрыться пылью, были черны, каким и

должно оказаться недавнее пожарище. Однако сожгли их не сегодня, теперь огонь лишь облизал выгоревшие останки строений. Это село подпалили не впервые нынешним летом.

Тут ветер сменил направление и погнал дым в лицо всадникам. Солдаты чихали и заслонялись ладонями от горячего дыхания пожара. Ок-Икертн поскакал вдоль околицы, огибая догорающие дома. Отряд с грохотом и лязгом следовал за ним. Когда вереница всадников вынырнула из полосы дыма, их взглядам открылся зеленый луг, пастбище местной общины, дальше начинались невысокие холмы. Из-за возвышенностей земля там не подлежала вспашке и потому осталась покрыта лесом. Вероятно, местные крестьяне рубили этот лес, так что деревья поблизости от деревни были молодыми, невысокими. А толпе, которая сейчас находилась в лесу, требовались деревья высокие, крепкие и, желательнее, с разлапистыми мощными ветвями – и потому людям пришлось углубиться в заросли. Ок-Икертну с седла было видно, где они отыскивали подходящие дубы. Людей в зарослях он не мог толком рассмотреть из-за густого подлеска, зато тела повешенных на ветках дуба были видны неплохо.

* * *

Ок-Икертн вытащил из ножен меч и тронул коня шпорами. Позади к топоту копыт и звону кольчуг прибавился шорох и лязг – воины опускали забрала и готовили оружие. У опушки ок-Икертн разглядел наконец, что за люд собрался среди деревьев, и опустил меч. Среди толпы выделялись красно-желтые плащи гвардейцев, приметил маршал и зеленые мантии Изумрудов. Даже сквозь заросли было видно, что одеяния колдунов и солдат вымазаны и покрыты темными пятнами, вероятно обладателям грязных плащей пришлось не раз ходить по пожарищам и продираться сквозь чащи. Зато на повешенных, которые едва покачивались над толпой, была черная одежда.

Прибывших, разумеется, заметили. Толпа, перестраиваясь на ходу, двинулась навстречу маршалу. Большею частью это были пешие, но несколько человек оказались верхом. Один, крупный мужчина в изодранном красно-желтом плаще поверх тяжелых доспехов, выдвинулся вперед.

– Сэр маршал! – рослый рыцарь поднял забрало.

– Капитан ок-Линвер?.. – маршал быстро осмыслил изменения в ситуации. Ок-Линвер жив? Вот как... – Докладывайте, что, Гангмар возьми, творится в этом краю. Что за люди с вами? Кто казнен? И где наконец некромант из Гевы?

Сэр Брудо разглядывал пеструю толпу за спиной ок-Линвера. Там, помимо гвардейцев и чародеев, собралась довольно разношерстная компания. Были солдаты в плащах с разными гербами, пара дворян, которых отличали латы и перья на шлемах, рядом с ними были парни в крестьянской одежде. Последних, хотя они и нацепили доспехи, несложно было узнать по тому, как неловко сидят на них латы, и как неумело они держат оружие.

Сэр Роккорт хрипло откашлялся, собираясь с мыслями. Как правильно составить доклад начальству, он знал, оставалось облечь мысли в подходящие слова.

– Сэр маршал, я был назначен в этот край, дабы противостоять...

– Я знаю. Докладывайте по существу.

– Сэр, мы дали бой черным колдунам и их разбойным подручным. Враг применил необычную магию, об этом подробнее может рассказать Эрегарт Изумруд...

Рыцарь кивком указал невысокую фигурку юного мага.

– Я не стремился к генеральному сражению, но враг, выдвигая на столицу главные силы, натравил притом на провинцию разбойничьи банды. Мной было принято решение: остановить продвижение основной колонны, затем заняться мародерами.

– Вы проиграли битву, – заметил сэр Брудо. Он говорил без укоризны, просто хотел, чтобы ок-Линвер скорей перешел к последним событиям. О поражении было известно достоверно, и обсуждать здесь нечего.

– Поражение... – ок-Линвер сделал вид, будто задумался. Ему, тугодуму, требовалось время, чтобы придумать новые фразы. – Да, нам пришлось отступить, поле боя осталось за противником. Виной тому трусы, сбежавшие до того, как дело закончилось. Однако в результате некромант отступил, и я, согласно плану, истребляю гевских бродяг, разоряющих округу.

Ок-Линвер широко повел рукой, указывая дуб с мрачными украшениями. Этот отряд мародеров налетел на разоренную и частично сожженную деревню. Взять здесь было нечего, и гевцы с досады подожгли то, что уцелело после прежних погромов. Ок-Линвер окружил злодеев и по всем правилам военной науки уничтожил. Никто не спасся, а выживших в стычке теперь развесили на дубу.

Ок-Икрэн бросил мрачный взгляд на повешенных, потом еще раз оглядел пестрое воинство капитана. Сэр Роккорт врал, это было очевидно. Под его началом осталось лишь несколько десятков воинов, остальные – смерды из местных. Если прибавить к этим нескольким десяткам уцелевших всех, кого маршал застал в этом походе – получится, что потери ужасны. Иначе, как поражением, это не назовешь.

Выходит те, кто сбежал – уносили ноги вовсе не до того, как закончилось дело... Ок-Линвер врал, но если вражеское войско в самом деле отступило... и если капитан продолжает войну, истребляет мародеров... то, вероятно, окажется правильным принять его ложь и поддержать? Прямой путь – не всегда лучший. И сэр Брудо кивнул. Он не произнес ни слова, чтобы не от чего было отказываться после. Он всего лишь кивнул. Ок-Линвер нужен империи, хотя он враль и болван. К сожалению, в нынешние тяжкие времена у империи не найдется лучшего защитника, чем враль и болван. Впрочем, это участь многих империй...

Глава 9

Малые горы

С давних пор в долине Эйегер не собиралось столько народу. Даже в трудные годы, во времена набегов и вражьих нашествий лэрды не приводили на совет такую свиту.

На каменных плитах восседали главы родов *верхних*. За спиной каждого лэрда находилось по двое-трое домочадцев, советники и почетная стража. Были здесь молодые воины, которых снаряжали на разведку, этих возглавлял Перт Лан-Анар. Еще был чародей Конта, ученик знаменитейшего Анра-Зидвера, а также – и сэр Рыцарь Подаренной Жизни. Бедняга Кернит остался жить в горах, привык к простой суровой жизни малогорцев, да и они привыкли к нему, хотя парень был странный. Другой бы удалился с монастырь, как полагается человеку с грузом греха на душе, а этот вот – в горы...

Присутствовал здесь и Гравелин Серебро – сидел неподвижно, молчал, пока лэрды переругивались и мерялись заслугами. Молчал, лишь серебряные узоры мерцали под солнечными лучами на тяжелых доспехах гнома.

Каст дой-Лан-Анар стукнул по камню древком секиры и проревел:

– Тишины! Тишины, почтенные лэрды!

Малогорские старейшины притихли и уставились на Каста. Тот пригладил густую бороду и сказал:

– Начнем с Гилфинговой помощью наш совет, братья. Сперва заслушаем разведчиков.

Перт, сынок, расскажи добрым людям, чего видел.

Гравелин шевельнулся на камне, лязгнули латы.

– Расскажи, говорю, старейшинам Малых гор, – поправился лэрд.

Гравелин Серебро не был человеком и в этом вопросе всегда оставался крайне щепетилен, не забывал дать понять, что не принимает случайных оговорок. Лэрду Касту, привыкшему к обращению «добрые люди», привычка гнома причиняла неудобства, но приходилось терпеть и приспособливаться. Как ни верти, а Гравелин – в самом деле не человек, хотя это и чудно.

Перт принялся рассказывать, как они, десяток легких на ногу парней, шли по горам. Вниз, в долины, не спускались, держались скал. Как обнаружили войско гномов, неторопливо ползущее на юг – к сердцу Малых Гор. Ползущее к той самой долине, где за коваными воротами начинается подгорное царство короля Драмлина. Если глядеть с отдаленных вершин, войско напоминало змею в сверкающей чешуе. Колонна закованных в сталь карликов петляла и извивалась по старой дороге, и солнце играло на полированных шишаках шлемов. Гномов было огромное число – Перт насчитал не меньше двух тысяч, затем отряды долговязых эльфов в легких кольчугах, затем фенадская конница... конца колонне не было видно, а ведь Перту велели выследить, какие колдовские машины везут с собой нелюди. Тогда Перт решился сблизиться с врагом и посмотреть поближе...

Всем известно, гномы не любят луков, и тяжелы на ногу, если не подкрадываться совсем уж вплотную, то большого риска нет, ну заметят их – так разведчики успеют снова уйти в скалы. Только не подумали парни об эльфах – эти, едва заметив людей на скалах, разразились хохотом – вот выпала забава – и засыпали разведчиков стрелами. Да так ловко били, что едва удалось троим уйти. Из десятка-то.

– Мы на них маленько камней свалили, – оправдываясь, сказал Перт Лан-Анар. – Раз уж все едино нас приметили враги, так чего ж случай упускать? Их больше нашего полегло, клянусь. Вот только колдовских штучек высмотреть у нас не вышло, моя вина... но мы их больше положили, чем наших полегло!

– Их и осталось больше, чем нас, – заметил Каст, теребя бороду. – Так что, почтенные лэрды... и все прочие мои добрые друзья, в открытый бой с ними нам вступать не с руки. Эти хохотуны стрелами побьют, даже гномам под секиры некому будет подставляться. Ну а ежели и подставимся, много ли толку? Их слишком много... Ну?

Все молчали. Каст оглядел собравшихся и повторил:

– Ну?... Ну, говорите, что ли, почтенные. Откуда нам спасения ждать? Как оборониться от такой напасти? Говорите, потому что я выхода, Гилфингом клянусь, пока не вижу.

С минуту все молчали, обдумывая слова лэрда. Впервые Каст дой-Лан-Анар признал, что не знает, как отвести беду. А потом лэрды дружно заорали, перекивая соседей.

* * *

Горцы ревели, стараясь заглушить друг друга, вскакивали с каменных сидений, размахивали руками... И сразу сделало похоже, будто никого не заботит, как отвести беду. Лэрды кричали о том, что во всем виноваты пришлые гномы, это они навлекли беду на Малые Горы. Тут же стали припоминать обиды – существующие и надуманные, гномы Гравелина, оказывается, давно были все костью в горле... Помалкивал лишь Лан-Анар да еще пара лэрдов порассудительней, да и тех начала охватывать всеобщая горячность, будто запал соседей заразил.

Каст ударил о камень древком секиры – не помогло. Пытался перекричать почтенных – да где там! Горцы вошли в раж и остановить их было не в человеческих силах. Каст огляделся вокруг – все кругом шумели, даже молодцы, стоявшие позади лэрдов и не имеющие права голоса в этом собрании – и те пытались вякать. Тут взгляд Лан-Анара упал на колдуна. Лэрда развел руками и кивнул – дескать, хоть ты что-то сделай! Конта кивнул, сложил ладони лодочкой, склонился и пошептал. Потом хлопнул в ладоши – да так, что грохот пошел гулять по ущельям, а фигуру колдуна окутали потоки разноцветных искр. Крикуны притихли, а Лан-Анар, у которого уши заложило так же, как и у прочих, торопливо сглотнул. В ушах щелкнуло, и лэрд заговорил – быстро, пока стоит в долине Эйегер тишина.

– Лэрды мои почтенные, лучшие люди верхние... Погоди, гном, не к тебе моя речь... Добрые мои соседи! Не о том вы спорите. Мы почтенного Гравелина и его род к себе приняли, будто братьев. Братьев выдавать негоже! Я совета от вас жду, а не глупого торга. Кто из вас может сказать такое слово, за какое не будет после стыдно – если есть такой, пусть говорит! Нет?

– Позволь мне молвить, – поднялся Гравелин Серебро.

– Ну, молви, что ли...

Гном, хотя и стоял теперь на ногах, по-прежнему был ниже ростом, чем рассевишиеся на камнях здоровенные лэрды. Однако выглядел он очень внушительно, чувствовалась в старике сила и уверенность. Гравелин откашлялся, погладил бороду, серебряную на серебряных латах, и заговорил.

– Не хотел бы признавать... да утаить не могу. Люди, вы правы. Король-под-горой пожаловал к вам по моей вине. Он хочет моей смерти, и смерти всех, кто со мной в Малые Горы явился. Почему так? Он блюдет единство нашего народа, старый обычай, слишком старый... Ваши земляки погибли – это кара им за то, что, словно братьев, сынов Второго народа приняли. Король Грабедор желает истребить всех гномов, кто с людьми дружен и всех людей, кто дружен с нами.

Лэрды стали тихо переговариваться – на этот раз чинно, без позорного ора. Гравелин, слегка возвысив голос, продолжал.

– Что ж мне сказать? Я не желал никому из ваших беды... и, раз так вышло, готов выйти со своими воинами против подгорного войска.

Грабедор остановился, чтобы перевести дух, тяжелая ладонь, поглаживающая бороду, заметно дрожала. А тишина стояла такая, что слышно было, как свистит ветер в дальних скалах.

– Мы погибнем, – снова заговорил гном, – но и вас, быть может, оставят в покое. Надеюсь, что так будет, что достанет злому Грабедору моей смерти, не станет более свирепствовать. Я с вами в совете, я один из вас. Ежели таков будет ваш приговор, отправлюсь воинов собирать немедленно, чтобы с Грабедором биться и перед кончиной ни единым злым словом вас не помяну. О последней милости прошу, позвольте нам сразиться с пришлыми в собственных чертогах, в дедовских пещерах. Мы сюда пришли, чтобы здесь жить и здесь в камни лечь. Ваши поселения на севере разорят, покуда к моему порогу доберутся... не выщипте. Ну вот... Уважьте последнюю просьбу.

Стало тихо – и тем резче прозвучал голос Кернита:

– Я с вами, гномы. Примите в компанию. Это будет хорошая битва и хорошая смерть... даже лучшая смерть, чем я заслужил. Я с вами.

* * *

После того, как смолк Рыцарь Подаренной Жизни, наступила тишина. Но продлилась не долго – лэрды снова загомонили, однако теперь они не рычали и не старались заглушить соседей. Говорили внятно и тихо:

– И я с вами.

– Коли так, и я.

– И я не отстану, чего ж.

– Ну тогда вместе биться будем.

– Обо мне не позабудьте. Мы, Лан-Ижены, не хуже прочих.

– И мы ж! Негоже от общего дела отставать. Мы ж вместе, мы *верхние*.

Дой-Лан-Анар пристукнул секирой о камень.

– Славно мне такие речи слушать. Ай, славно, лэрды! Однако теперь все же поразмыслить нужно, как нам сподручнее осилить пришлых.

Гравелин встал и трижды поклонился – перед собой, вправо и влево.

– Спасибо, люди. Да не обидят вас мои слова, вы истинные братья нам, гномам Малых Гор. Вы, а не холопы короля Грабедора. Моя просьба остается в силе: ежели вам такое по душе, то давайте встанем дружно в подземном чертоге. Он как крепость, там защищаться с малыми силами сподручно, да и не всякие из машин Крактлина там пройдут. Не всякие там развернутся.

– Магии безразлично, под горой или на поверхности, – заметил Конта.

– Эти машины работают без магии. Верьте мне, я их видел и знаю, что говорю.

– На солнышке-то помирать легче, – заметил старый лэрд.

Участники совета не спорили, они пробовали на зуб предложение Серебра, примерялись, какие оно сулит преимущества да недостатки.

– Потолки, поди низкие там, – прогудел верзила дой-Лан-Кайен. – Не разогнуться как следует, секирой не махнуть. А?

– Там есть, где секирой махнуть, добрый человек, – возразил Гравелин. – Но и там нас будет слишком мало против силы Грабедора. Каменные стены уберегут лишь до поры, камнем гнома не сдержать. Придумать бы что...

– Я придумал! – вдруг звонко выкрикнул Перт.

Выкрикнул и сам испугался собственной смелости. Парня еще не успели наказать за то, что потерял семерых разведчиков, а он старших перебивает на совете в долине Эйегер. Но уж больно славно показалась собственная мысль... да и какие теперь церемонии, если

погибель вот-вот черной волной Малые Горы накроет? Если сейчас, на совете лэрдов, не сказать, то когда сказать-то? Ведь поздно будет.

Каст дой-Лан-Анар оглядел серьезные лица лэрдов, покосился на колдуна Конту, не жует ли? Потом, сопя, развернулся всем массивным телом к нахальному мальчишке... охо-хо... к дерзкому мальчишке, который сейчас лучший разведчик в роду... и когда успел вырасти, наглец...

– Ну, говори, чего надумал. Говори, Перт, а мужи Малых Гор послушают.

Вот! Наконец сообразил, каким словом нужно называть! Мужи Малых Гор! И гному не обидно, и звучит очень даже почтенно... А Перт заговорил. Сперва спешил, боялся, что перебьют, не дослушают, потом, видя внимательные серьезные взгляды мужей Малых Гор, стал объяснять свою задумку медленней, обстоятельней... наконец, закончил:

– ...Только гномам нашим от этого большое разорение выйдет.

– Какое разорение?! – Гравелин улыбнулся, и по темной щеке лучами разбежались от маленьких глазок морщины. – Я сказал, нам жизни свои не жаль за Малые Горы положить! Неужто из-за добра тосковать станем? Что же, люди, вы скажете? Если будет ваше на то согласие, быть по сему! Мудрый совет.

Глава 10

Море к западу от Легонта, Мокрые Камни

Сперва демон укутал Черную Молнию в обрывки шелка. Того, что уцелело после покушения, едва хватило.

Потом Ингви с Никлисом занялись мачтой, а Ннаонна заявила, что она – слабая женщина и все равно ничем помочь не сумеет в грубой матросской работе. С тем и отправилась обследовать «Туман». Ей дано хотелось облазить парусник, но команда глядела так неприветливо, да и за каютой постоянно нужно было присматривать.

Запасной парус, конечно, нашелся, но с мачтой пришлось повозиться. Хотя Ингви обещал, что силенок хватит, но для установки мачты требовались кое-какие приспособления, одной силы было недостаточно. Король пустился в долгие рассуждения, какие приспособления можно соорудить... выходило очень занятно, однако времени на воплощение идей требовалось немало. Никлис послушал, покачал головой...

– Слышь-ка, твое демонское, ничего у нас этак не выйдет. Я сейчас работник аховый, мне напрягаться нельзя, кровью истеку, – начальник королевской стражи погладил забинтованные бока, – а ты один не справишься.

– Ничего, потихоньку, – начал было Ингви. Потом поглядел на скептическую мину Никлиса и умолк.

– Нам бы поспешить.

– Это само собой. Королевские обязанности не ждут и все такое прочее...

– Да я не о том. Морячки-то и вернуться, слышь-ка, могут. Те, что сбежали-то, сколько их осталось? Шесть? Или семь? Я и не сосчитал, когда они за борт сигать стали.

– Можно пересчитать оставшихся, – заметил демон. – А к чему ты?

– Не устережем. Вернутся они, чую. Им-то в Мокрых камнях деваться некуда, им чтоб выжить один способ – отбить свой «Туман». Ночью не устережем. Сегодня же нам ноги делать нужно.

– До вечера совсем мало времени, а в темноте мы не пойдем между скал.

– Тогда руби мачту сызнова. Вот здесь руби!

Никлис распорядился так уверенно, что Ингви забросил мысли о лебедках да полиспастах, и послушно укоротил обрубок мачты, как показал бывший разбойник. Короткую мачту они кое-как установили, и закрепили. Потом точно так же обошлись с парусом – выкроили небольшой кусок. В разгар ремонтных работ возвратилась Ннаонна. Притащила целую грудку всевозможных безделушек – все, что ей показалось занятным в имуществе контрабандистов.

– Под малым парусом пойдем, – объявил Никлис. – Ну что же, трупы за борт? Да и отчаливаем с гилфинговой помощью.

– Не поминай всуе, – буркнул Ингви.

Таскать мертвецов ему пришлось в одиночку. Никлис в самом деле пострадал в драке больше всех, напрягаться ему был противопоказано. Ну а предлагать такое занятие юной деве было бы слишком невежливо. Покойников демон уложил на берегу, и над ними уже выписывали круги чайки. Вообще-то, в Мокрых Камнях их было немного, но тут слетелись на добычу.

– По-хорошему, надо бы их хоть камнями закидать, – заметил Ингви. – Но мы спешим.

– Якорь поднимай, твое демонское, – буркнул Никлис. – И без нас найдется, кому за мертвыми приглядеть. Вернутся их дружки, потому что в море им не выжить. А здесь хотя бы вода. Вернутся, да и до нового визита островитян продержатся. Не сдохнут, не переживай.

– Ты меня утешил, – буркнул Ингви. – Честно говоря, теперь я вижу, что в их рассуждениях был резон... хотя предателей все равно ничто не оправдает. В общем, Гангмар с ним, другой эпитафии покойные не заслуживают.

Король потянул якорный канат, а Ннаонна, пристроившись рядом, стала трещать:

– В их рассуждениях был точно такой же резон, какой мог быть в наших рассуждениях, что они нас заманивают на борт, чтобы убить и ограбить. Это куда проще, чем честно доставить на место. Понял? Любишь ты все усложнять, а на самом деле все очень просто! Мы их наняли, они нас должны доставить на берег. Они первыми напали, ну и получили свое!

– Точно, твоя вампирская милость, – поддержал Никлис, – вот ведь, слышь-ка, именно так и есть! А ты, король мой великий, любишь все не по-людски этак-то вывернуть, чтобы все наоборот!

– Ну так я же не человек, чтоб по-людски рассуждать. Давай к рулю, что ли?

Маленькая команда расположилась так: Никлис встал на корме у руля, Ингви – позади мачты, чтобы наполнять ветром кургузый самодельный парус, а Ннаонна побежала на бак – смотреть, нет ли по курсу опасных камней. Подчиняясь приказам Никлиса, демон осторожно использовал Спешащий Ветер, то наполняя один бок паруса, то другой, и постепенно усиливая силу заклинания. «Туман» прошел вдоль усыпанного галькой пляжа... и развернулся носом к западу – туда, где находился выход из лабиринта Мокрых Камней.

* * *

Никлису было плохо видать, что впереди, мешал слишком низко сидящий на укороченной мачте парус, но в пути менять что-либо было уже поздно, оставалось рассчитывать на зоркие эльфийские глаза Ннаонны. Вскоре пришлось вспомнить, что в придачу к необычайно острому зрению Мать Гунгилла наделила девушку необычайно звонким голосом. Едва заметив под водой округлую каменную плешь, вампиресса принималась орать:

– Камень! Камень! Вижу камень!

И уж потом выяснялось, что камень, оказывается, находился в полусотне метров от борта, да и вообще должен был остаться в стороне, а по курсу лежала чистая вода. Тем не менее, Ннаонна орала вдохновенно и не пропускала ни одной скалы. Бедняга Никлис совсем извелся, пытаясь отличить истинную опасность от мнимой, наконец он не выдержал и взмолился:

– Ох, твоя вампирская милость, не шутила б ты так больше, а? Чтоб меня до срока повесли, не могу больше!

– А что такого? – Ннаонна была искренне удивлена: чем ее болтовня могла расстроить Никлиса? Ей-то было очень весело.

– Уж больно твоя милость визжать горазда.

– Я же для всех стараюсь, – Ннаонна сделала вид, что обижена. Но меньше кричать не стала.

«Туман» под крики Ннаонны и стоны Никлиса скользил по тихой воде – прямым к громадному оранжевому шару солнца. Между солнцем и судном тянулась сверкающая дорога, нос «Тумана» вспарывал жидкий огонь, разлитый в море, переливающиеся всеми цветами радуги волны расходились вправо и влево... постепенно угасали в спокойной глади между валунов либо нежно накатывали на серые покатые склоны и заставляли приподниматься в неспешном танце густые пряди водорослей.

Когда солнце наполовину погрузилось в океан, парусник поравнялся с полосой прибоя. Здесь пришел конец тишине, сопровождавшей «Туман» среди Мокрых Камней. Океан встал перед судном чередой волн, бегущих из-за горизонта, и солнечная дорожка изломалась, превратилась в лестницу, ступени-волны поднимались из гигантской чаши, дно кото-

рой прогнулось под чудовищной тяжестью солнечного шара, как будто садящееся светило продавило водную гладь, и соленая влага, вытесненная весом солнца, волнами, волнами и волнами бежит навстречу кораблю, а тот рассекает волны и валится в бездну. Появилась килевая качка, и Ннаонна убралась с бака – ей в лицо летели брызги.

– Эй, твое демонское! – позвал Никлис. – Давай теперь, дуй ровно, теперь мы на чистой воде, теперь напрямик ударим!

– Э, нам же не на запад! Никир-викинг, ты что, в набег собрался? На западе ничего, только океан!

– Пока не стемнело, уйдем от Мокрых Камней подальше! Не то, случись в море волнение, я с такой командой слезами оболюсь. Снесет к скалам, не уберемся!

Ингви согласился, лучше от опасных отмелей убраться подальше. В самом деле, если налетит шторм, у «Тумана» шансов маловато. Демон пошептал в амулет, и над его головой родился крепкий прохладный ветер. «Туман» резвей устремился в погоню за опускающимся солнцем.

* * *

Никлис увел судно от Мокрых Камней, где имелись опасные мели и где, вероятно, притаились среди скал и островков уцелевшие матросы «Тумана». Когда решили, что судно достаточно далеко в открытом море, развернулись на юг. Ингви сперва волновался, сумеют ли они управиться с кораблем, но дело оказалось проще простого. Курс пролегал по чистой воде, а ветер у них был, так сказать, свой собственный.

Здесь ветра дули постоянно, сейчас они били в правый борт «Тумана». Если бы судно зависело от стихии, тогда бы пришлось маневрировать, менять галс, управлять парусом, чтобы не потерять ветер, но маленький парус на укороченной мачте наполнял Ингви. Никлис очень быстро научился пользоваться сочетанием естественных порывов и колдовского Спешащего Ветра. «Туман» шел ровно, суденышко было ладное и крепкое... вот только скорость оставалась небольшой, с такой оснасткой на многое рассчитывать не приходилось. Ннаонне надоело уже на второй день плавания.

Пока на борту была команда, от которой следовало ждать неприятностей, пока бедняга юнга следил за пассажирами, жизнь казалась худо-бедно наполненной событиями. Теперь Ингви трудился, не покладая рук, ночью «Туман» ложился в дрейф, а днем демон перетаскивал кадку с Древом на палубу, устанавливал позади мачты – там же, где располагался сам, и преображал потоки сырой маны, исходящие от растения, в Спешащий Ветер. Работенка была не трудная, монотонная, да и ослаблять усилий нельзя, так что король так или этак был при деле.

Никлис стоял на корме у руля. Вообще-то, «Туман» не маневрировал вовсе, лишь изредка приходилось корректировать курс, но Никлис всячески изображал, будто он трудится больше всех, потому что его дело – самое ответственное. На самом деле он бездельничал, но уж он-то скуки не страшился, этот человек умел бездельничать, как никто другой. Природный талант! К тому же он всегда был навеселе. Отличное вино с Архипелага плескалось в бочках, которыми был загружен парусник, и Никлис понемногу прикладывался к запасам. Следует отдать должное начальнику королевской стражи – пьяным он не бывал никогда, но и не трезвел, умело поддерживая в организме точно выверенный баланс. Постепенно такое плавание ему понравилось настолько, что он, освоившись, даже стал покрикивать на Ингви, пришлось королю напомнить, кто здесь господин. Обещание превратить вино в морскую воду мигом возвратило Никлису уважение к короне.

После третьей ночевки в открытом море небо стало хмуриться, похоже, собирался шторм. Ннаонна, как всегда, восприняла новость с преувеличенным энтузиазмом, ей хотелось любых развлечений, шторм – так шторм!

– Ничего, слышь-ка, не выйдет, твоя вампирская милость, – возразил Никлис. – Гляди-ка, на востоке небо светлое, а я аккурат нынче собрался к берегу свернуть.

– На восток? – упавшим голосом уточнила девушка.

– Так и есть. На восток. Домой, слышь-ка, поворачиваем.

После перемены курса «Туман» уже шел под действием обычного ветра – из тех, что посылает Гунгилла Прекрасная... Никлису работенки немного прибавилось, а Ингви наслаждался покоем.

Парусник скользил с волны на волну, а позади осталось иссиня-черное небо, там изредка полыхали зарницы, в открытом море бушевала буря. Но «Туман» теперь направлялся к суше. Еще два дня – и впереди черной полосой замаячил берег. Чем ближе к суше, тем более изломанными становились очертания скал на горизонте – «Туман» спешил к Мокрым Горам.

– Вот уж теперь-то начнется самая работенка, – хмуро объявил Никлис. – Теперь самое трудное.

– Ничего, – успокоил Ингви, – наше Древо хорошо поднялось. Маны будет в избытке, и я тебе сделаю такой ветер!

– Ай, твое демонское, ты уж поосторожней, что ли, с ветром. Особливо, когда причаливать станем.

А Древо в самом деле вытянулось. Из хилого ростка, который с трудом пробился между камней в руинах Семи Башен, оно превратилось в крепенький ствол, раскинувший упругие ветви, а листочки на нем были острые, твердые, будто выкованные из серебра наконечники стрел. И все деревце было молочно-белым.

Только когда «Туман» достиг берега, стало очевидно, что Никлис не умеет причаливать с таким кораблем. Бедняга до последнего не подавал виду, что трусит, однако когда показалось знакомое устье со следами зимовки северян, он стал мямлить, сделался непривычно сдержанным... А если открывал рот, то сквернословил, явно подражая Лотрику. Вероятно, пытался примерить на себя шкуру морского волка.

Ингви возился с Древом и парусом, а Ннаонна сразу почувствовала, что с Никлисом неладно. В конце концов он признался: драккары северян попросту сажали на мель, затем еще и вытаскивали на сушу, а конструкция «Тумана» такова, что на берег не выбросишься, требуется причал. Да и то, без буксира неопытный кормчий хлебнет неприятностей. Никлис вывел парусник к полосе прибоя и боялся переложить руль, чтобы инерция вынесла судно к каменистому берегу.

– На мель! – скомандовал Ингви. – Я приказываю, начальник стражи! Не то домой вовсе никогда не вернемся.

– Расколется корыто, чтоб ему сгореть! Весь товар потеряем, чтоб...

– Чтоб ему усохнуть, – подсказала Ннаонна. Ее ситуация забавляла.

– Эх, твоя вампирская милость, чтоб мне за такие слова утопнуть, однако ж ты и дура! Это ж винище с Архипелага!

– Сам дурак!

– Давай уже наконец, делай хоть что-то! – прикрикнул Ингви.

– Ну, тогда держитесь крепче, господа мои, чтоб вас... чтоб вас на берег вышвырнуло! А-а-а!..

Причалили довольно удачно, то есть, корабль влетел на пляж и пропахал днищем по камням.

Глава 11

Ванет, к востоку от столицы

Сэр Брудо даже не стал делать вид, будто верит капитану – вот еще, перед таким притворяться, слишком много чести. Однако и винить ок-Линвера вслух тоже не стал. Пусть пока все остается, как есть. Что ж, раз один вопрос благополучно разрешился, капитан нашелся, остается выяснить другое – где, Гангмар его деря, противник?

Сэр Роккорт бодро отрапортовал: неизвестно. Он, капитан, вполне удовлетворен тем, что некромант отступил. И, не преминул добавить ок-Линвер, это целиком его, капитана, заслуга. Молчаливое согласие маршала вдохновило старика, он стал врать и хвастать напропалую. А вину валил целиком на сбежавших трусов. Во время своей речи капитан пару раз указал юного Изумруда, дескать, тот геройски дрался и может подтвердить каждое слово. Эрегарт топтался поблизости и, конечно, у него были наготове нужные слова. Однако ок-Икери даже не глянул на мага, в свидетельстве сопляка он не нуждался – ясно же, что тот станет во всем поддерживать гвардейца, чтобы не пострадала собственная репутация. Эти двое, старик и мальчишка, отлично спелись. Маршал терпеливо выслушал похвальбу ок-Линвера и снова перешел к делу.

Почему не пытались выяснить где сейчас враг? У ок-Линвера и здесь было объяснение: потому что у него не осталось достаточно кавалерии! Трусы разбежались! Сэр Брудо хотел спросить, а что у старого хрыча вообще осталось, кроме нахальства?.. Но снова сдержался.

Пока что старик еще мог пригодиться... и маршал просто кивнул:

– Следуйте со своими людьми за мной.

Объединенные отряды двинулись к месту сражения. Прибыли туда ближе к вечеру, солнце уже клонилось к зубчатой кромке леса – того самого леса, из которого ок-Линвер вывел войско для злополучной битвы. На поле несколько десятков местных крестьян трудились, предавая тела павших земле. Не бывать на этом месте ни пастбищу, ни пашне, пропадает большой участок плодородной земли... Ох, большой...

Приходской священник из ближайшего сельца уже охрип, отпевая покойных. Сэр Брудо подъехал ближе и расспросил труженников. Те были рады поводу сделать передышку и охотно объяснили: им велел отдать последний долг павшим господин капитан. При этом они отзывались о старом вояке с громадной благодарностью, славили его так и этак, и не могли нахвалиться – ведь сей добрый воин избавил край от грабителей, переловил и перевешал гевских разбойников. Красноречие местных было легко объяснимо: герой их рассказов находился тут же, сидел на коне и вполне ясно всем своим видом показывал, что слышит каждое слово.

Эти же крестьяне подсказали, кстати, что некромант увел войско по дороге на Аднор – туда же, откуда Гангмар его приволок. С чего это известно? Да как же, ваша милость! Колеи-то – вот они! Колеи-то от колес тех самых окованных железом повозок, их же ни с какими иными следами не спутать, повозки у черного мага были здоровенные да тяжеленные, вон какое колеи оставляют.

Тут-то сэр Брудо снова задумался: чего же, в конце концов, нужно злобному магу? В какую игру он играет? Что затеял?

Перед глазами встала картина того страшного дня, когда жизнь ок-Икерны закончилась... закончилась, чтобы возобновиться лишь в Ванетинии – несколько дней назад. Как странно и страшно звучит: закончилась жизнь... и возобновилась... началась снова. И почему все сложилось именно так?

Тот день... совсем другое поле, другая страна. Осень, серое небо и серая земля, перемешанная в кровавую кашу. Черный всадник с огромным мечом, этот меч невозможно удерживать, этого всадника невозможно остановить. И вот снова он, чародей в рогатом шлеме.

Маршал уже в который раз попытался понять врага и не смог. После такого разгрома, какой был учинен ванетскому ополчению, казалось бы, и думать нечего – вступай в беззащитный Ванет, жги и грабь! Так поступил бы на месте некроманта любой, так поступил бы сам сэра Брудо. И вместо простого и понятного грабежа – странное отступление. Маршал был озадачен и, пожалуй, напуган. Почему этот маг поступает именно так? Почему? Почему?

Какой у него резон? Что он еще задумал? И... еще интересно бы знать, что некромант делает сейчас?

* * *

Некромант в это время поднимался по скрипящим ступеням графского паласа в Адноре. Глоада ухватила его за рукав и увлекла к графской спальне, которую им предоставил Рисп. Девушке надоел поход, и теперь, в эту минуту, ей хотелось лишь одного – затащить Кевгара в спальню. Рисп проводил парочку к лестнице, ведущей на второй этаж, выслушал пожелание проваливать к Гангмару в зад, поулыбался... А Кевгар тяжело шагал по ступеням, прижимая левой рукой к кирасе рогатый шлем. Принцесса тянула его за правую и не давала остановиться. Колдун не успел даже расстегнуть застежку плаща на плече и пряжки доспехов. Болотница разогнала его подручных, которые обычно помогали брату маршалу разоблачаться.

– Скорей, скорей, – бормотала Глоада, – я сама тебя раздену, вот увидишь, тебе понравится!

И, пока Брудо ок-Икерн размышлял о том, какие мотивы движут грозным чародеем, тот, блажено улыбаясь, позволял хрупкой девице волочить себя, поворачивать, тормозить и расстегивать массивные пряжки на зачарованных латах. У Кевгара не было никаких мотивов, он хотел лишь услужить этой странной, невероятной, неповторимой принцессе, и ему в самом деле нравилось. Знай сэра Брудо правду – весьма удивился бы. Полководец империи был бы невероятно поражен, узнай он, что ведет войну не против грозного черного мага, не против великана в рогатом шлеме – того, что снова и снова возвращается в сны Брудо ок-Икерна, снова и снова поднимается в стременах, заслоня серое небо Гевы, снова и снова заносит громадный меч... Сэр Брудо был бы весьма поражен, узнай он, что его противник – тощая девушка в мешковатом сером платье.

Но имперский маршал не мог знать этой странной правды, а потому понапрасну ломал голову, пытаясь разгадать коварный план противника. А у противника в этот миг был единственный план – поскорей стащить с некроманта тяжелые латы.

Если планы у кого и были, так это у Риспа. Прохвосту очень навился городок Аднор, прежде рыцарю уже приходилось наведываться сюда, в качестве гевского шпиона. В прежние крутые времена Риспу несколько раз случалось участвовать в набегах на здешнюю округу, но Аднор хорошо охранялся. Слишком трудная цель для шпиона и разведчика Риспа, для безвестного исполнителя приказов короля Гезнура. А вот теперь Рисп – господин в Адноре! Какой дивный поворот судьбы.

Риспу казалось, что некромант с подружкой собираются оставаться на земле Ванета долго, быть может – всегда? Ну ладно, сейчас злючке Глоаде попала вожжа под хвост, приспичило возвратиться в Аднор. Но потом ей снова захочется убивать – и к Аднорскому округу прибавятся другие завоевания, но этот городок достанется Риспу. Он заделается хозяином Аднора, а там, чем Гангмар не шутит, обзаведется семейством, передаст Аднор по наследству... Если повести дело грамотно, на эти земли не наложит лапу ни Гева, ни Ванет...

в мечтах Рисп видел себя свободным господином. И, проводив Кевгара с Глоадой к лестнице в спальню, отправился в каморку, которую прежде занимал графский писарь – там можно отыскать пергамент и перья.

Рисп был грамотен. Он не гордился этим умением, странным для дворянина его пошиба. Рисп научился письму не по своей воле, жизнь заставила. Если у тебя нет ни собственного земельного надела, ни богатой родни – и не так вывернешься, чтобы продержаться.

Итак, Рисп засел за письмо. Сперва он описал итоги похода, не забыв при этом упомянуть собственное участие. Упомянул, кстати, что весьма хитроумно давал советы некроманту, направлял его действия в нужное русло и в итоге, считает, Рисп, в нынешнем году Гева может не опасаться за границы на западе. Затем, очень осторожно подбирая выражения, писал Рисп, для всеобщего блага будет лучше, если... тут было очень щекотливый момент... будет лучше, если Рисп разорвет вассальные отношения с гевской короной. Это формальность – Гилфиг Светлый убереги от необдуманных шагов – сушая формальность! Но после того, как о прекращении оммажа будет объявлено, добрый сэра Рисп сможет с большей пользой служить интересам его величества Гезнура, ибо единственная его, доброго сэра Риспа, цель – как можно лучше содействовать интересам короля. С искренними заверениями в преданности... и прочая, и прочая.

Сэр Рисп, граф Аднорский еще раз перечитал письмо. И остался весьма доволен собой.

Глава 12

Ванет, к востоку от столицы

Утро следующего дня выдалось солнечным и ясным. Яркий луч пробился между неплотно прикрытых ставен и упал на широкую кровать, прежде принадлежавшую графу Аднорскому, а затем – Риспу. Нынешней ночью на ней спали Глоада с Кевгаром. Сказать по чести, «спать» – вовсе не самое подходящее слово для описания того, что творилось на кровати после того, как Глоада сумела управиться с пряжками доспехов любовника.

Крики болотницы разносились по темной площади, пугали горожан, чьи окна глядели на графский палас, и заставляли ухмыляться Риспа, который сидел у распахнутого окна и предавался сладким мечтам. Потом Рисп со счастливой улыбкой уснул, предвкушая будущие блага, забылись тревожным сном горожане... а некромант с болотницей все никак не могли утомиться. И Аднор, в общем-то, не спал, горожане сновали по окраинным переулкам, у них была забота. Странная забота! Никогда прежде славным аднорцам не приходилось сталкиваться с таким делом. И в мыслях не было.

А утром теперь солнечный луч упал на покрытое спутанными локонами лицо Глоады. Девушка открыла один глаз, скорчила гримасу и прошипела:

– Гангмар бы взял солнечный свет! Ночь мне больше по нраву.

Она лежала обнаженной поперек громадного тела любовника – так их взял под утро сон. Выбравив солнечный свет, Глоада сползла с некроманта, он довольно хрюкнул, потянулся и закинул за голову твердые ладони. Ему было хорошо. Вдруг Глоада вскинула голову и насторожилась.

– Ты слышишь? За окном!

Теперь заинтересовался и Кевгар. На площади не шумели, однако тишина не была полной. Сквозь ставни вместе с солнечными лучами сочился глухой низкий гул. Негромкий, он, однако, производил впечатление объема, он наполнял пространство целиком, до краев. Так шумят природные явления – дождь, например, или ручей. И еще подобный звук может издавать толпа. Глоада накинула на плечи покрывало и, зевая, побрела к окну.

Площадь перед паласом была полна народу, весь Аднор собрался здесь. Должно быть, в это утро некромант с Глоадой проснулись последними в городе. Наемники – и те, проведя ночь в лагере за воротами, теперь явились на представление. Ночью они видели аднорцев, то и дело снующих через городские ворота туда и обратно – а теперь явились на площадь полюбоваться, насколько удачными были прогулки горожан.

Завидев в окне встрепанную голову Глоады, горожане зашевелились. Те, которым показалось, что принцесса глядит именно в их сторону, торопливо подняли над головой ночную добычу: они наловили в пруду лягушек, ибо именно таково было повеление принцессы. Помнила ли она сама о собственном распоряжении? Как бы там ни было, теперь зрелище доставило ей удовольствие. Кто из аднорцев держал лягушек на вытянутых руках и строил брезгливые гримасы, кто держался получше, дети – те и вовсе затеяли игру с пойманными земноводными.

Девушка рассмеялась.

– Эй, Кевгар, милый, погляди на олухов! Ну разве они не славные? Погляди же, за ночь население города удвоилось.

Рисп тем временем стоял на крыльце и собирался принять участие в забаве – нужно же напомнить о себе, верном веселом графе Аднора. Теперь ему показалось, что наступил подходящий момент.

– Прикажете удвоить налоги, ваша светлость? – задрал голову, прокричал рыцарь. Он пытался поддержать шутку.

– А мы собираем налоги? Хм... – Глоада задумалась. – Нет, это скучно. Если постоянно обирать наших маленьких толстеньких человечков, то потом их толком не ограбишь. Ограбить лучше, ты не находишь, Рисп? Кстати, тебя давно грабили в последний раз? Мне тут пришлось в голову... хм.

Девушка притихла, обдумывая новую мысль. Если Рисп теперь граф Аднорский, это переводит его в новый разряд. Граф Аднорский может стать неплохой мишенью в развлечениях...

* * *

Рыцарь поспешил сменить тему:

– Да, ваша светлость! Я ведь и попа велел позвать. Помните давешнего героического священника? Он отказался ловить лягушку, как все, но мои парни помогли ему. Негоже оставлять славного человека без поддержки. Эй, люди!

Толпа расступилась, двое парней Риспа в серых камзолах приволокли священника. На шею ему надели ожерелье из живых лягушек, привязанных за лапки. Земноводные шевелились, священник морщился и старательно запрокидывал голову, чтобы лицо было подальше от гангмаровых тварей. Глоада была к вопросам богословия безразлична, лягушка была в ее представлении самым обычным существом, безобидным, повсеместно встречающимся... в Болотном Краю лягушек хватало! Болотники, что победней, не брезговали употреблять их в пищу.

Совсем иначе глядел на лягушек священник. В его глазах это маленькое существо являлось одним из доказательств существования Гангмара Темного. Кто же, как не Отец Лжи, сотворил мерзкое скользкое тельце, бессмысленные выпученные глазки, отвратительный скрипучий голос? Клирик, пожалуй, видел в лягушке злобную пародию на человека, мерзкий промысел Темного! Неспроста орки, детища Гангмара, так похожи на этих тварей!

Поэтому, когда Глоада рассердилась на цветы в руках аднорцев и велела принести ей лягушек – священник увидел в этом поступке болотницы козни Гангмара. Воистину, злобная дева, дочь Падшего по духу – и требует подношений в виде гангмаровых тварей. Для священника картина была ясной и цельной. Подобное – к подобному! Аднорский священник был вовсе не героем по натуре, но верил в торжество Света искренне и истово, потому и помыслить не мог о том, чтоб потакать мерзкой болотнице. Он долго готовился, ждал, когда же наконец представится случай провозгласить проклятия. Надеялся, что во время торжественного въезда некроманта в Аднор он, священник, сумеет подать пастве добрый пример. На что он рассчитывал? Даже такой простофиля не мог не понимать, что его славный поступок никого не призовет к сопротивлению, не подвигнет робких земляков отвергнуть Тьму. Он вовсе не думал об аднорцах, если совсем уж начистоту. Священника заботила собственная душа.

И что же вышло? Проклятия лишь насмешили мерзкую девку! Священник готовился к мученической кончине, к казни – а вышла обидная мистерия. И вот нынче – снова! Священник не собирался вовсе приходить на площадь, но парни Риспа приволокли его силком, да еще напялили мерзкое ожерелье из живых лягушек. И что же, оставалось принять это как казнь и сохранять твердость. Правда, трудно держаться с достоинством, когда тебя хватают и волокут...

Глоада с любопытством уставилась на попа сверху вниз. Тот молчал и только морщился, когда лягушки возились у него на груди.

– Ну? – каркнула болотница. – Долго мне жать? Эй, любезный, где твоя прыть? Вчера такой бодрый был! Давай, проклинай, я жадалась.

Священник молчал. Тогда один из державших его парней отвесил клирику подзатыльник.

– Дама ждет, – поощрил священника солдат. – Не кобенься, скажи, чего там у тебя.

– Не стану, – выдохнул клирик, старательно воротя лицо от живого ожерелья, – не буду потакать мерзостям.

– Скучный ты, – объявила Глоада. – А ну, погодите, я сейчас.

Принцесса отошла от окна, отшвырнула покрывало и стала рыться в груде доспехов и одежды, сваленной у кровати. Выдернула серое мешковатое платье – свой привычный наряд – и стала натягивать. Потом оглянулась на Кевгара, который по-прежнему лежал в кровати.

– Милый, а ты не собираешься выйти к людям? Если ты правитель, то хоть изредка должен показываться народу. Так полагается.

Кевгар глядел на неугомонную подругу и кривил рот – улыбался. Он вспоминал давешние слова Глоады о том, что пестро украшенные люди и твари должны быть ядовиты. Некромант думал о серых платьях Глоады. Теперь он, кажется, знал, почему она так неряшлива в одежде.

* * *

Болотница в одном платье, даже не обувшись, побежала на крыльцо. Когда она возникла в дверном проеме, толпа на площади дружно вздохнула и качнулась – горожане непроизвольно сделали шаг назад. Девушка подскочила к священнику и уставилась на него, тот бы и рад был отшатнуться, наверное, он бы даже побежал прочь, но его крепко держали воины в сером.

Глоада оглядела клирика с ног до головы.

– Ну? – хмуро осведомилась она. – Почему не проклинаешь? Может, скажешь, я не заслужила десятка-другого глупых слов? Отвечай!

Клирик шумно задышал и повертел шеей, от чего лягушки снова зашевелились. Отвернувшись, священник сипло прошептал:

– Да.

Большого он из себя не сумел выдать.

– Отпустите его.

Серые отступили.

– Ну, так что «да»?

– Проклятий... заслуживаешь.

– А! – Глоада усмехнулась. – Уж я старалась. Раз заслуживаю, валяй, проклинай меня. Или – марш в храм и возноси молитвы за мое здравие. Это мой город, понял? Все, что здесь находится, исполняет мою волю. А тебе, братец, я даю право выбора. Или проклинай, или превозноси, в стороне не останешься, и не надейся.

– Я... не хочу...

– Нет уж, красавчик, сам напросился.

Клирик, наверное, только теперь осознал, что его больше не держат. Дрожащими руками стянул ожерелье и швырнул на мостовую. Потом вдруг сорвался, завизжал, стал топтать ни в чем не повинных лягушек сандалиями и визжать:

– Вот! Вот!

– Смотри-ка, – заметила Глоада, – а в этой гнилой колоде еще есть немного сухого дерева, годного для растопки.

Горожане попятнулись. Те, кто был в задних рядах, не могли видеть, что происходит у входа в палас, однако когда их начали отталкивать – с готовностью отступали.

– Вот!

– Ну, хватит, хватит. Что-то ты больно разошелся... Конечно, лягушка не может сделать тебе ничего дурного, поэтому ты и убиваешь ее. Попробовал бы ты так обойтись с кем-то, кто способен ударить в ответ.

– Вот! – вскричал священник. – Гляди, как я попираю создания Гангмара! Гляди, мерзкая девка! Вот так поступит с тобой Гилфинг Светлый! Вот! И вот!

Болотница сделал шаг, и клирик тут же скис. Отодвинулся от раздавленного ожерелья и втянул голову в плечи.

– Гилфинг, говоришь? – Глоада прищурилась. – А сам ты, конечно, не осмелишься. Тебе нужен кто-то большой, чтобы спрятаться за его спиной. Все вы, здешние таковы. Рады ударить беззащитного, но боитесь того, кто глядит вам в глаза. Чего взгляд отводишь? А?

– Я в твоих руках, можешь убить меня! Я не боюсь!

– Врешь, боишься. Только и способен, что лягушек топтать да визжать, как баба. Вы все боитесь... но боитесь так скучно, неумело... и постоянно врете – себе и мне.

На крыльце показался Кевгар, брат маршал не мог явиться босиком и в одной рубашке перед толпой, это только Глоаде были безразличны условности. Кевгар был в черном наряде, в тяжелых сапогах и со здоровенным кинжалом на поясе.

– Ты слышал, дорогой? – обернулась к нему Глоада. – А здесь вовсе не так забавно. Может, плюнуть на этот сброд и вернуться в Вейтрель? Там, по крайней мере, никто не строит из себя храбрецов. Я думала, что хоть этот детина окажется способен на поступок, но и он – такой же трус, как и прочие. Уедем отсюда?

Улыбка замерла на лице Риспа. Рука скользнула в карман и скомкала письмо – нет, нет, не пора. Не пора еще рвать с гевским королем, эти двое безумцев в любой день могут оставить его, Риспа, и прощай тогда не только графство, но и жизнь... О, судьба!..

– Уедем отсюда? – повторила Глоада. – Или сперва научим их бояться, как следует?

Кевгар подал плечами – он был согласен на все, что предложит драгоценная принцесса.

А Глоада уже утратила интерес к горожанам, забава оказалась вовсе не такой уж увлекательной. Парочка возвратилась в спальню. Принцесса завалилась в кровать, а Кевгар достал из ларца толленорн. Почему-то вдруг вспомнилось...

Под ладонями брата маршала оконце прибора стало темнеть, в нем проступили смутные очертания. Потом краски сгустились, в тусклом диске проявилось лицо брата мистика.

– Брат! Брат! – сипел архивариус. – Ты здесь? Ты меня слышишь? Брат, мы ждем тебя, вернись! Ты нужен Черному Кругу!

– У вас что-то стряслось? – Кевгар поймал себя на том, что дела Могнака Забытого стали ему безразличны.

– Люди! Дикари! Они подступают из пустыни! Брат, вернись! Этих чужаков много! Ты слышишь?

– Я слышу. Ты же назначил нового маршала? Пусть он заботится о пришлых.

– Нет, нет! Их много, этих людей! Вернись, ты не можешь нас бросить!

Глоада села в кровати и поглядела на любовника. Ей все было слышно. Кевгар покоился на девушку и снова повернулся к толленорну.

– Нет, брат, слишком поздно. Теперь я не хочу вас спасать, у меня другая игра.

Часть 2

Люди из прошлого

Глава 13

Вейвер в Сантлаке

Хромой с Мясником глядели друг на друга и не шевелились среди суеты, царящей у ворот. Рыдающего ок-Рейселя уволокли...Люди сновали туда и сюда, проходили между этими двумя, многие кричали, звенело оружие, ржали кони, которым передалось волнение седоков. Рядом надрывался Коклос – хвастал красивыми печатями и требовал, чтобы ему подчинялись. Карлик приплясывал среди окружающих его здоровяков в тяжелых латах, его было едва слышно.

– Хромой? – произнес Мясник. – Далеко же от моря тебя занесло.

Оба сделали шаг, теперь они стояли на расстоянии вытянутой руки. Мясник поглаживал рукоять здорового ножа, заткнутого за пояс. Хромой придерживал эфес меча.

– Не дальше, чем тебя, Мясник.

– Нам нужно поговорить. Идем, я знаю подходящее местечко.

– Здешний кабак, что ли? А знаешь, у меня остались очень неприятные воспоминания с последней встречи с тобой, и как раз в кабаке... и потом...

– Старые времена прошли, я изменился... да и ты тоже, Хромой? На тебе шпоры, кольчуга, шлем с перьями... Идем. Здесь есть местечко, называется «Золотая бочка».

– Ручаюсь, там будет толпа. Город набит солдатами, и некому велеть им, чтобы проваливали за ворота. И половина нашего доблестного войска, конечно, сейчас в пивнухе, а в таком занюханном городишке вряд ли больше одного заведения такого рода. А начальства вроде бы и нет, никто не призовет порядку.

Оба покосились в сторону – там толпились знатные господа и заходился криком Коклос.

– Это верно, – кивнул Гедор. – Я бы вышвырнул их из города, но...

– Но это не в твоих силах?

– Нет, не в моих интересах. До поры придется их терпеть.

Тут Хромой поймал себя на том, что глядит в глаза Гедору и не отводит взгляда. Прежде ему такое не удавалось. Он спросил себя: боится ли? А ведь ни капли прежнего страха! Хромой теперь совсем другой. Да и не Хромой вовсе – Джейем из Геведа. Знатный барин Джейем из Геведа не станет бояться какого-то бандита.

– Ладно, идем в твой кабак. Хотя вряд ли там сыщется свободный стол.

– Для меня – сыщется. Идем, здесь недалеко. В этом городе куда ни пойдешь, все будет недалеко.

А солдатам и впрямь никто не мог велеть убираться за ворота, маленький Вейвер был переполнен конными и пешими. Впрочем, вели себя они достаточно примерно, не буянили и не обижали горожан. Местные приветствовали их как освободителей, женщины выносили из домов кувшины и миски, угощали. Мальчишки разглядывали оружие и, ничуть не смущаясь, бранили худые кольчуги и плохо отточенные секиры, когда видели беспорядок. В Сантлаке даже городские мальчишки умеют отличить хорошее оружие от скверного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.